

ЛЕОНИД КОРЫЧЕВ

ОТСТУПНИКИ

Леонид Кори́чев

Отступники

«Издательские решения»

Корычев Л.

Отступники / Л. Корычев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-018110-0

Прежде всего это книга о людях. О нашем огромном потенциале и о том, как бездарно мы его растрачиваем. О нашем прогрессе, не способном до сих пор вывести нас из каменного века. О наших ложных ценностях и нездоровом обществе. О нашей беспомощности и глупости. Эта книга также об иных мирах, загадочных существах и головокружительных приключениях, о дружбе и, быть может, о любви и, вероятно, совсем немного о Ненависти.

ISBN 978-5-04-018110-0

© Корычев Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Отступники	7
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Отступники

Леонид Корычев

© Леонид Корычев, 2016

© Василий Клочков, иллюстрации, 2016

Редактор Лидия Оганесян

ISBN: 978-5-4483-0464-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель! Прежде всего хочу напомнить о том, что основное и единственное предназначение любой книги – быть прочитанной. Других предназначений у книги нет. Я стремился писать о «сложных» вещах легко, задорно и интересно. Какие именно чувства и мысли написанное мной вызовет у каждого конкретного читателя, мне неизвестно. Если по какой-то причине вам придётся не по нраву прочитанное, вы всегда можете просто закрыть книгу и более к ней не возвращаться. Если по какой-то причине прочитанное вам придётся по нраву, вы всегда можете порекомендовать книгу другим читателям.

Дополнительная информация об авторе и произведении, а также способы обратной связи и иллюстрации находятся в конце книги в разделе «Бонус».

Выражаю огромную благодарность и безграничную признательность всем людям, помогавшим мне работать над книгой. Потрясающему редактору Лидии Константиновне Оганесян. Прекрасному и талантливому художнику Василию Клочкову, помогавшему с обложкой, иллюстрациями и разработкой персонажей. Маленькому Инфантильному Кобельку, Скоту Томасу и Альбатросу Мутанту, а также остальным многочисленным людям, ставшим прототипами персонажей.

Любые имена и сходства с реальными людьми, событиями и странами вымышлены или используются в целях пародии.

Отступники

О! Ну просто великолепно! На улице ни черта не видно, вдобавок порядочный эффект непроницаемого мрака усиливается разбушевавшейся пургой. Март в этом году был больше похож на январь. Мой ноутбук только что скоропостижно скончался по непонятным мистическим причинам. Мне не удалось принять душ, ибо ванна начала харкать в меня из своих недр какими-то таинственными чёрными ошмётками неизвестной субстанции вместе с водой. Вантуз принял героическую мученическую смерть во время борьбы с образовавшимся засором, но дело, в сущности, только усугубил.

Я, конечно, соглашусь, что в один день, а точнее, вечер, может случиться немыслимое количество мелких, раздражающих чрезвычайно неурядиц, но даже того немногого было достаточно, дабы порядком меня взбесить.

Что я могу сказать про себя? Мне двадцать пять, последние пять лет я живу в этой квартире один, я недолюбливаю людей, а тем более кошек, и я постоянно ворчу. Нетрудно догадаться, что у меня совсем немного друзей. Единственный человек, с которым я поддерживаю отношения, отдалённо напоминающие подобие дружбы, в последнее время просто бесит меня, и я всерьёз подумываю его убить.

Я зову его Маленький Инфантильный Кобелёк. Он довольно мил, немного младше меня, хоть и выглядит на добрых пять лет старше, безобиден и имеет много общего со всяким годовалым ребёнком. Тотальное отсутствие разума и зачатки силы воли, лысую голову и капризную натуру, ни одной зрелой мысли, зато бесчисленное множество желаний. Впрочем, надо отдать ему должное, ибо он единственный, кто в состоянии терпеть мои ворчания часами. С другой стороны, у него в этом есть свой интерес.

Вот мы прогуливаемся вечером по одной из аллей. Я по обыкновению сосредоточен и угрюм, а мой компаньон рассеян и беззаботен. Я веду монолог, суть которого сводится к уничтожению девяноста пяти процентов популяции Земли для решения большинства проблем современного мира. Я не удосуживаюсь визуально контролировать степень его внимания к моим речам, так как полностью поглощён изложением и не вижу ничего вокруг. Через какое-то время, смачно причмокнув, он оборачивается вслед за какой-нибудь прошедшей мимо феминкой. Я совершенно уверен, что в такие моменты его глаза блестят. Моё воображение каждый раз дорисовывает подобающий в таких случаях высунутый язык и воспроизводит негромкое жалобное поскуливание.

Компаньон, пытается обратить моё внимание на достоинства той или иной фигуры, но я беспощаден и неумолим. Тогда спутник начинает страдать. Испытываемое им аналогично переживаниям жиртреста в кондитерском отделе, мучительно осознающего близость желанного объекта, но понимающего невозможность его получения, ибо коварный магазин отпускает торты в зависимости от веса клиента. Однако страдания прекращаются довольно быстро, жиртрест переключивается в соседний магазин с более лояльными правилами, тут же забывая о случившемся пять минут назад.

Пытка возобновится, когда один торт будет пожран и возникнет необходимость в другом. Словно осёл, вечно стремящийся за морковкой, мой друг бесцельно существовал от одного мучения к другому. В ампула несчастного титана-страдальца он пребывает всю свою сознательную жизнь.

Многие позавидовали бы его проблемам, обычно они так или иначе сводятся к поиску «торта» и терроризированию меня идиотскими вопросами, предпочесть ли, например, сегодня вишнёвый «торт» клубничному. В размазывании ограниченного количества соплей по бесконечной поверхности мой друг стал бы чемпионом. Его способность растягивать

временные рамки очередного апогея маразма должна заинтересовать физиков, изучающих время.

Иногда, конечно, пребывая в благоприятном расположении духа, Моё Высочество могло снисходительно выслушать какое-нибудь долгое повествование друга о том или ином торте. Независимо от услышанной душещипательной истории мой вердикт оставался неизменным: девяносто пять процентов людской популяции подлежало уничтожению, но помимо этого я приходил к мысли, что, пожалуй, не отдал бы своего собеседника в лабораторию для опытов.

Вот в таких бесформенных демагогиях и проходило в основном моё время. Некогда я общался с куда большим числом людей, но пришёл к выводу, что для их же безопасности будет разумнее изолировать себя от них. Понимание невозможности кого-то пытаться удручало меня тем сильнее, чем ближе я находился к источнику, побуждающему к такому поведению.

Так чем же я принципиально отличаюсь от многочисленной армии подобных, озлобленных на жизнь, вечно недовольных, ворчащих молодых людей? Ничем. Надеюсь, что мне более не придётся возвращаться к этому вопросу, и я могу продолжить свой рассказ.

Сколь сильно человек не провозглашал бы собственную независимость и не ставил бы свою индивидуальность над остальными на недостижимый пьедестал, он всё равно в минуты нужды станет искать поддержки у себе подобных. Правда, не у всех подряд, а в первую очередь у обыденно именуемых семьёй особей. Позже, конечно, всегда можно опять начать брызгать друг на друга шипящей, разъедающей любую материю, дымящейся при этом слюной и, враждебно ошетилившись, злобно шипеть.

Моё желание всё-таки принять душ было в разы сильнее неудобств, вызванных необходимостью заворачивать тело в несколько слоёв в надежде не окочуриться на улице. Преодолев незначительные препятствия, я достиг назначенной цели. Заботливая мама не снабдила меня вантузом, но выдала некоторое количество бытовой химии для прочистки труб. Я вернулся домой, использовал жидкость согласно нехитрой инструкции и лёг спать.

Утром, воплотив в жизнь вчерашние мечты о душе, я покончил с меньшим из двух зол. Это не избавило меня от необходимости везти ноутбук в ремонт.

Мне никогда не везло во всяких розыгрышах ценных призов, лотереях и викторинах, да я никогда и не рвался участвовать в них. По заведённому в необъятном безвременье, именуемом жизнью, порядку такое вопиюще дерзкое поведение возмутительно. Каждый прожитый день потенциально повышает вашу вероятность сорвать хотя бы маленький джекпот, причём явно не тот, на который вы рассчитывали.

Покуда я перемещался в сторону сервисного центра, размышления о ничтожности шансов поломки нового ноутбука ровно через две недели после покупки тешили моё самолюбие, вызывая чувство принадлежности к меньшинству, ибо покупающих всегда значительно больше, чем сдающих назад.

Я очень гордился своим статусом избранного в то утро. Процедуру госпитализации поломанного куска железа и пластика в больницу для ему подобных я проделывал уже второй раз.

Прошло чуть больше месяца с момента покупки, две недели из этого времени мой неодошевлённый питомец провёл в стационаре. Ещё тогда в феврале в мою душу закрались подозрения, что вероятнее всего его придётся вовсе усыпить, то есть сдать обратно, но я мужественно гнал от себя такие кошунственные измышления. К тому же по закону я не могу так сделать, пока этот кусок навоза не подведёт меня три раза.

Благополучно перенеся вторую операцию, затянувшуюся до апреля, пациент продержался на домашних харчах три дня, после чего возникли осложнения, молниеносно трансформировавшиеся в рецидив. Я совершенно охладел к своей бракованной собственности

и уже не сомневался в возникновении в не столь отдалённом будущем необходимости избавиться от неё тем или иным способом.

В конечном счёте я провозился с ноутбуком до мая. Наконец настал счастливый день, на руках у меня было техническое заключение. Его я не удосужился прочесть, но это не умаляло способности этой бумажки содействовать возврату денежных средств.

Погода стояла тёплая, теплее, чем можно ожидать в мае, и солнечная. Благодаря этому снег сошёл быстро, хоть и не так давно, а посему обилие света пока ещё воспринималось как нечто экзотическое. Даже такие косные ворчуны, вроде меня, не могли противиться соблазну иногда бросать короткие взгляды по сторонам. Это-то меня и сгубило.

Вернув деньги за старое изделие, я тут же отправился покупать новое. Сладостное предвкушение наполняло мою душу лёгкой тревогой. Я размышлял о невозможности войти в одну реку дважды и повторно совершить неудачную покупку. Выбор модели был произведён мной заблаговременно.

Торговые ряды электронного рая, в который я попал, пестрили разноцветными огнями, разнообразными витринами и апатичными мордами неприветливых продавцов. Отовсюду раздавалась электронная музыка. Её я всегда условно делил на два глобальных жанра, первый – «тыц-пыц». Довольно популярный у подавляющего большинства моих сверстников жанр имел многочисленное число ответвлений и подвидов, в которых я всегда путался, но в целом их легко можно было бы свести к «тын-дын-дын дын-дын дын-дын», «тыц-тыц-тыц» и «тыц-тыц-пыц».

Помимо возможности банально обдолбаться и воздействовать на свои мозги разнообразной сомнительной химией, «тыц-пыц», в зависимости от подвида, конечно, давал возможность своим поклонникам забойно попрыгать, импульсивно дрыгаться, а иногда просто загадочно стоять в толпе, подняв у себя над головой руки, совершая неопределённые таинственные движения пальцами.

Второй жанр носил интригующее название «пик-пук». Идея влиять на кого-то громким звуком не нова, я лишь осмелюсь предположить, что в этом бесчестном способе воздействия на психическое здоровье «пик-пук» надолго останется вне конкуренции.

Не всякий эксперимент в музыке является «пик-пуком», зато всякий «пик-пук» непременно экспериментальный, в особо тяжёлых случаях – инновационный. Подразделять его на жанры не имеет особого смысла. У меня присутствует разумная уверенность, что современный учебник психиатрии значительно помог бы в этом.

Сама музыка не представляется чем-то отличным от случайного, бессистемного, а зачастую бессвязного набора шизофренических звуков разной степени тяжести и тягучести. Она идеальна для катания на розовых слонах по радуге, общения с внеземлянами, путешествия по параллельным астральным вселенным. Лично мне под неё всегда хочется впасть в депрессию и застрелиться.

Искусно лавируя между выскакивающими из-под земли заморенными не то голодом, не то активной ночной жизнью молодыми людьми, я продвигался к цели. Деликатно изображая на своём лице не то признаки наивного дебиллизма, не то простодушного слабоумия, я препятствовал их попыткам заарканить меня в стадо массовой прогрессивной культуры. Ничто не могло сбить меня с намеченной цели.

Без непредвиденных осложнений совершив покупку, безусловно, обрадовавшись новому приобретению, я вознамерился отправиться домой. Я мысленно проложил обратный маршрут, по которому и стал следовать. Мне почти удалось покинуть злополучные торговые ряды, да решил сделать небольшой крюк – заскочить в книжный магазин.

Около входа в это заведение я и встретил её. Таинственная незнакомка неопределённого возраста стояла почти неподвижно. Её скептический взгляд блуждал по сторонам. Благодаря тотально бесстрастному лицу она сильно смахивала на фантастически реалистиче-

ское скульптурное изваяние. Спокойствие и уверенность, не свойственные женской натуре пульсировали от неё волнами в разные стороны, заставляя воздух рядом с ней будто бы гудеть и вибрировать. Очаровательные черты лица и изумительные пропорции тела отчего-то настораживали. Трудно было сомневаться в её способности остановить слона на скаку вопреки наличию умопомрачительного маникюра и гладкой, пышущей здоровьем кожи, хоть признаки пригодной для подобного подвига мускулатуры отсутствовали начисто.

У современных женщин довольно модно выглядеть в двадцать лет как сорокалетняя, обнюханная кокаином проститутка с десятилетним стажем употребления. В сорок же лет многие наоборот следят за собой настолько щепетильно, что достоверно вычислить их возраст по внешним признакам задача нетривиальная. С равным успехом незнакомке могло оказаться двадцать лет или, скажем, тридцать пять.

Среднего для женщины роста, опрятно одетая. Трудно понять что конкретно побуждало присматриваться к ней, наверное, всё. Меня невозможно записать в стан героев-любовников, а мой успех у противоположного пола заключается только в том, что они разбегаются прочь на все четыре стороны, как черти после заутренней, уже через десять минут общения.

Частично этому, наверняка, способствует моё отношение к ним как к двуличным тварям и в целом низшим существам. С другой стороны, как ещё я должен относиться к созданиям, выражения лиц которых в подавляющем большинстве случаев напоминают недовольный кирпич? Притягательная внешняя обёртка нередко оказывается полой. Попытка вести вразумительную беседу с человеком-фантиком превращается в лицезрение титанических умственных усилий, однако, не способных породить нечто большее, чем непрерывную словесную дефекацию.

В обществе женщин мне непременно становится скучно. Терпеть чужие нелепые бредни, при возможности поделиться с окружающими своими, куда более интригующими, что за вздор?

Мне памятен случай, полагаю, наглядно иллюстрирующий многостороннюю подоплёку данного вопроса. В одну из наших многочисленных совместных прогулок с Маленьким Инфантильным Кобельком он заметил двух самок. Поскольку основная аксиома его мира звучит как «я неотразим», то мы просто обязаны были совершить попытку навязать им своё общество.

Я не хочу сейчас углубляться в размышления о личном восприятии сложившейся действительности. Изначально мне была явственно очевидна обречённость на провал наших стараний. Вообще, я терпеть не могу знакомиться с кем бы то ни было методом стихийных наскоков. Искренне убеждён, что это унижает моё человеческое достоинство. Мне весьма редко доводилось видеть адекватное восприятие подобных попыток знакомства. В основном другая сторона скукоживается и от чего-то начинает довольно энергичную войну с ветряными мельницами. Опрыскав тебя концентратом вони скунса, вторая сторона самодовольно фыркает и удаляется.

Любому здоровому человеку не доставляет удовольствия отмыться от чужого, ничем не заслуженного зловония. Круговорот оно, впрочем, работает исправно. В тот вечер я не смог удержаться от содействия его естественной циркуляции. Нанёс, как говорится, упреждающий удар.

Каждый раз я открыто предупреждаю друга, что брать меня с собой на какие бы то ни было знакомства – затея в высшей степени идиотская. Каждый раз он игнорирует мои предостережения. Течение эволюции и обилие досадных okazji в личной жизни выработали во мне устойчивый защитный механизм, а также панический страх по отношению к любым женским особям в количестве более нуля штук.

Наблюдать за потугами друга в области охмурения зрелище, к сожалению, довольно жалкое. Он виляет хвостиком, скребёт лапкой, жалобно поскуливает, при этом трётся

об ноги, как кошка. Поразительнее всего то, что иногда это срабатывает. Но не в описываемом случае. Минуты три я внимательно молча наблюдал, как диалог не клеится совершенно.

Чужая оживлённая беседа была прервана нашим появлением, а заводить новую, очевидно, не хотелось. Я бы уже давно прекратил эту пародию на частную антрепризу, но друг упорствовал. Интенсивность махов его хвоста не спадала.

Меня прорвало после блистательно оригинального вопроса со стороны девушек: «А что вам надо?». Я ответил пугающе невозмутимо и довольно искренне: «Ну, конечно же, огреть вас чем-нибудь тяжёлым по голове, затащить в кусты и изнасиловать». Девушки тут же перешли на противоположный тротуар и под непрерывающийся гомерический хохот моего компаньона изменили направление своего движения на диаметрально противоположное. Больше я никогда их не видел.

Уверен, что подавляющее большинство псевдоспециалистов уже составили мой психологический портрет. Флаг им в руки, однако мне любопытна причина, заставившая их осилить такое огромное количество написанного. Остальным, менее предвзято относящимся ко всему вышесказанному, возможно, показалось, будто я резко негативно отношусь к противоположному полу, но это отнюдь не так.

Я просто обожаю женщин и боготворю их. Правда. Честно, я не шучу. Обычно я делаю это издалека, дабы не разбить вдребезги зыбкий идеализированный образ непорочной чистой девы, вырисовывающийся у меня каждый раз накануне потенциального знакомства. Ну, или просто когда я вижу чьё-то симпатичное личико. Возможно, мои ожидания изначально завышены, так как я стремлюсь найти женщину – человека, а не самку – животное.

Я обладаю всеми качествами, необходимыми для общения с первыми, и ни одним из достоинств настоящего альфа-самца, нужных для привлечения вторых. Самый главный минус заключается в отсутствии богатых родственников, за счёт денег которых можно было бы паразитировать. И без этого у меня было бы предостаточно шансов завести экзотическое домашнее животное, если бы я умел громко рыгать, не контролировал бы свою пищеварительную систему, обладал сверхспособностью выпивать литровую бутылку водки залпом. Вопиющим с моей стороны преступлением являлось отсутствие в моём характере и натуре мелких, разъедающих человека изнутри страстей. Я оказался категорически не способен к ревности, зависти, унижению и оскорблению, к патетическим сценам, в коих, по моему разумению, смысла не присутствует. Выражаясь общедоступным языком, в список доставляющих мне наивысшее удовольствие занятий не входило желание возить заведомо более слабые существа мордой по батарее. К рукоприкладству в целом я всегда относился без энтузиазма.

Свободе кармы от серьёзно отяжеляющих её деяний, как то убийств на почве ненависти и попыток каннибализма из неистовой ярости, в нынешней своей реинкарнации, я также обязан ещё нескольким факторам.

Из принципиальных соображений я не пользуюсь ни очками, ни линзами, несмотря на то, что подслеповат. Мои минус полтора и необычайно богатая фантазия позволяют мне видеть окружающих гуманоидов образами, а сосредоточенность на своих мыслях – не слышать до девяноста процентов чуши, которую они говорят. Из-за отсутствия привычки щуриться и вообще сколь-нибудь выказывать нехватку орлиного зрения, мало кто подозревал о моём физическом недостатке до тех пор, пока я сам не говорил им об этом.

На большом расстоянии я видел только непонятные силуэты, вблизи мог запросто не распознать кого-то знакомого и пройти мимо, не обращая внимания на то, что говорят вокруг. В общем, я не испытывал тяги к общению с людьми, их жизнь никогда не была для меня интересна, и даже моё физическое состояние со временем претерпело все необходимые метаморфозы, ведь в более юном возрасте я видел лучше да слышал больше.

Идя по тротуару по одной стороне дороги, я мог запросто не признать человека на другой. Я не всегда мог сделать это даже в тех случаях, когда клякса с противоположной стороны начинала энергично махать рукой, и по отсутствию рядом со мной других субъектов я умозаключал предназначенность приветственного жеста именно мне. В этом отношении неоспоримым достоинством моего друга, многократно облегчавшим мне его идентификацию, было уже упомянутое отсутствие волос на его голове.

Я сделал такое обширное отступление исключительно с целью подчеркнуть, сколь нехарактерно всё то, что последовало за встречей с незнакомкой. На чём я остановился? Ах да!

Несколько минут не без хладнокровного удивления я смотрел на незнакомку, и уже ничто не могло обмануть моё чутьё. Уверившись в том, что она создание не от мира сего, я было собрался ретироваться дальше по своим делам. Создание неожиданно повернулось ко мне всем телом и вперило свои глаза аккурат в мои. Мне невозможно было распознать их цвет. Её зрачки прятали в себе бесстрастную непроницаемую сингулярность, наверное, исключительно по этой причине обиденный в таких случаях приступ космического ужаса со мной не произошёл.

Потом сингулярность вдруг начала приближаться. Остановившись на границе пространства, которое считалось личным, незнакомка замерла абсолютно противоестественным образом. Тут же раздался её голос, производящий, как и всё в ней, двойное впечатление:

– Я ищу жильё, не подскажешь, где я могу его заполучить?

Одна из самых нелепых фраз, когда-либо слышанных мной в жизни, но через секунду я переплюнул её своим ответом.

– Понятия не имею, но можешь пожить у меня. – По нашим интонациям трудно было судить, насколько серьёзно мы относились к сказанному.

– Хорошо, – всё так же однообразно воскликнула она, и ни один мускул не дрогнул на её лице. Прежде, чем я снова открыл рот, собеседница успела попрощаться со мной, а затем энергично удалилась.

Минут пять я стоял на месте с поднятой вверх левой бровью, наморщенным лбом, неопределённо искривлённой линией губ и продолжал смотреть в пустоту перед собой. Выражение крайнего скепсиса недвусмысленно запечатлелось на моём лице. Я искренне тужился осмыслить, что же именно недавно случилось.

Решительно не обнаружив никаких к тому предпосылок, в целях сохранения личного душевного спокойствия я прибрал столь интригующие события в один из самых отдалённых и пыльных закоулков сознания под грифом «Х».

Зачастую мои фантазии носили абстрактный, глобальный, эгоцентричный характер, достаточно прочитать «Обломова», дабы сложить точное представление, о чём я говорю. Меня изредка занимали грёзы о встреченной где-то в общественном транспорте красотке в коротенькой юбочке или обтягивающих шортиках. Подобные встречи хоть и будоражили мою душу довольно сильно, однако не оставляли по себе сколь-нибудь сильного долговечного впечатления.

Часа полтора покрутив в голове встречу на разные лады, я окончательно наигрался со всем, с ней связанным, а какое-то новое впечатление или необходимость совершить некоторое деяние вышибли из моей черепной коробки все мысли о случившемся. Ничто не предвещало надвигавшегося смерча пятой категории на мой отшельнический, размеренный, «старческий» уклад жизни.

Гром среди ясного неба грянул вечером, ровно в двадцать один час двадцать три минуты. Я выполз из ванной комнаты по завершении освежающих водных процедур, знаменующих собой конец домашней тренировки. Раздался звонок в дверь. Ничего не ведая о таившемся по другую сторону входной двери, основываясь на статистических данных

о подобных посещениях за предыдущие несколько лет, я осмелился предположить, что ко мне с неожиданным визитом пришёл кто-то из друзей.

Наплевав на все правила приличия, как принято иной раз между давними друзьями, я отпёр дверь с мокрыми, взъерошенными волосами на голове и в полотенце. Остолбенев, я простоял молча изрядное количество времени с каждой секундой начиная недоумевать всё сильнее. На пороге стояла встреченная мной днём таинственная незнакомка. Я услышал её бодрое приветствие раньше, нежели окончательно её опознал. Не давая мне никакой передышки, она безапелляционным шагом, по-хозяйски проследовала в недра моего жилища.

С такой неприкрытой, беззастенчивой да к тому же сверхнаглой экспансией я не сталкивался ни в жизни, ни в книгах, ни в каких бы то ни было иных источниках приобретения опыта. Совершенно не обращая на меня внимания, гостья начала производить тщательную инспекцию жилищного фонда.

Не храни она при этом гробовое молчание, уверен, мне было бы проще ей сопротивляться. Попробовать опровергать её утверждения, в конце концов выставить силой. Но никаких требований она не озвучивала, попыток добраться до содержимого шкафов или ящиков не делала.

В эти минуты всё происходящее вообще казалось мне каким-то ирреальным, причудливой галлюцинацией, порождённой больным воображением. Нет, серьёзно, только задумайтесь! Вы случайно встречаете на улице девушку, перекинувшись с ней парой фраз расходитесь, и вдруг неожиданно она материализуется на пороге вашей квартиры позже, вечером того же дня, пронесётся внутрь мимо вас, словно тайфун, и... молчит, озираясь по сторонам.

Мысленно я искал повод придрататься к её действиям, возмутиться, тем самым вовлечь её в перепалку и мгновенной контратакой восстановить нарушенную целостность территориальных границ. Повод не находился. Она каким-то мистическим образом успела разуться, но обуви я нигде не находил, следовательно, не мог поставить ей в вину пачкание полов. Другие противоправные действия по отношению ко мне или моей частной собственности не предпринимались.

– Мне здесь нравится, – утвердительно продекларировала нарушительница границ.

Не поверив своим ушам, я задумчиво глянул на огромные свёртки, покоящиеся на антресоли, не получив успокоения от мысли о спрятанных в них книгах, я принялся бесцельно озираясь по сторонам. Книги валялись на диване, на письменном столе, на кресле, иногда на стиральной машине и в коридоре, наличествуя, помимо всего прочего, в кухонных ящиках и шкафах. В центре единственной просторной жилой комнаты вечно лежал коврик для йоги, у стенки стоял велосипед и роликовые коньки. Зимой их место занимали лыжи. Утяжелители для ног висели на вбитых в стену болтах, заменяя картины. Бинты и гимнастические снаряды мелкого калибра заполняли малочисленные полки.

– У тебя хотя бы есть имя? – всё ещё стоя у открытой двери, спросил я, по-прежнему недоумевая.

– Да, но ты вряд ли его выговоришь, так что можешь называть меня, как тебе будет угодно, – две точки сингулярности опять сфокусировались на мне, их необычный фиолетовый цвет совершенно сбил меня с толку.

– Безымянная, – негромко сказал я, глядя прямо ей в глаза.

– Подходит. А как называть тебя?

– Как тебе будет угодно, – я пожал плечами.

– Хорошо, я подумаю.

– Кто ты вообще такая и откуда ты свалилась? Как ты нашла меня? – из роя жужжащих в моей голове вопросов я извлекал наиболее волновавшие меня.

– Я... издалека, – невозмутимо ответила собеседница, будто женское воплощение Альфреда, заявляющего, что господина Брюса сейчас нет дома.

– Логично, – согласился я, – пойду оденусь, если ты, конечно, не против.

– Не против.

Зачем я ляпнул что-то подобное, осталось загадкой для меня самого. Полновластным хозяином не то что своей жизни, а хотя бы места своего обитания я более себя не чувствовал. Уединившись в ванной и отрешённо натягивая на себя джинсы, я самодовольно заключил, что, пожалуй, жить стало интереснее. Вечер только начинался.

Не успел я повторно высунуть нос из ванной, как принадлежащий мне мобильный телефон начал вибрировать. Звонил Маленький Инфантильный Кобелёк. Жить определённо становилось всё интереснее и интереснее.

– Да-да? – я ответил на звонок.

– Пошли пройдемся, – перед этой фразой ещё было приветствие и озвучивание моего имени, но эту часть я опускаю.

– Запросто, но перед этим настоятельно рекомендую тебе ко мне зайти, кое с кем тебя познакомлю, поверь, тебе понравится, – заявил я, обнаружив при этом Безымянную ровно на том же месте, что и пару минут назад.

В продолжение нескольких последующих минут разговора по телефону друг пытался выведать у меня подробности и испортить себе сюрприз. По обыкновению я остался непреклонен.

– Скажи, ты случайно не ненавидишь голубей? – тут же спросил я у Безымянной по окончании разговора с Кобельком.

– Нет.

– Жалко, тогда, безусловно, нет повода называть тебя Шейлой.

Да, у меня очень специфическое отношение к жизни. Во-первых, я стараюсь при любых обстоятельствах сохранять своё душевное равновесие. Во-вторых, практически мгновенно адаптируюсь ко всем неожиданно возникающим новым условиям, если они напрямую не дестабилизируют упомянутый в первом пункте покой.

Стань Безымянная наполнять квартиру звуками бессмысленной болтовни, стань она засовывать свой нос в каждый ящик, буфет, шкаф, духовку или холодильник, начини источать из себя комментарии по поводу обустройства квартиры, я непременно взорвался бы и выставил её за дверь самым беспардонным образом. Но нет, она молча стояла вот уже третий десяток минут на одном и том же месте, не делала никаких попыток заговорить со мной, лишь апатично озираясь по сторонам.

По складу ума я не имею привычки строить какие бы то ни было предположения или догадки, коли на то нет никаких оснований. Я превосходно помнил о факте таинственного появления Безымянной на пороге моего дома, но что конкретно я мог с этим поделать?

С другой стороны, меня трудно упрекнуть в навязчивом вероломном любопытстве по отношению к другим. Присовокупите к этому историю о том, как однажды я нашёл аккуратно завернутый, купленный мной же пакет с батоном хлеба в корзине для грязных носков, после чего я дал себе слово ничему не удивляться, и вы ещё на шаг приблизитесь к пониманию позиции пассивного соглядатая, занятой мною в складывающихся обстоятельствах.

Никаких сомнений в том, что в своё время я получу ответы на все вопросы благодаря терпению, у меня не было. Среднестатистический обитатель планеты постоянно о чём-то беспокоится. Поскольку с детства я не хотел иметь ничего общего с чем-то среднестатистическим, то степень моего беспокойства обычно зашкаливает в минусовом направлении.

Внутри каждого из нас обитает премудрый пескарь, заклиная всю жизнь проводить в тревожных заботах о собственной чешуе. С возрастом и приобретением жизненного опыта в виде нескольких плёвых шишек ситуация усугубляется многократно. Такая склизкая тварь – премудрый пескарь – живёт и во мне. Он начал было вякать о каких-то опасностях, исходивших от Безымянной.

А теперь будем рассуждать логически, основываясь на фактах. Какова надобность существу, чей маникюр явно стоит больше, чем всё, что можно вынести из моего дома, красть? Душевная болезнь? Это наиболее рациональное умозаключение, базирующееся на бесконечно коротком промежутке проведённого в обществе Безымянной времени, однако не проливающее свет на её таинственную материализацию на моём пороге. Второе предположение, конечно, не состоятельнее первого. Она вела себя эксцентрично, бесспорно. С каких пор это достаточный повод записывать человека в стан сумасшедших?

Просто феноменальным поворотом истории стала бы попытка Безымянной причинить мне вред, похитить или даже убить. Не говоря о том, что эта затея попросту абсурдна, так ещё шанс стать чьей-то жертвой ничтожно мал, для этого нужно родиться невероятно «удачливым». Я не специалист в подобных вещах, но, кому интересно, попробуйте подсчитать на досуге вероятность быть убитым в собственном доме неизвестной девушкой. Если цифра вас не впечатлит, то добавьте ещё параметров, например, какова степень возможности попавшему ранее в автокатастрофу, купившему неисправный ноутбук молодому человеку, проживающему самостоятельно, сделаться жертвой сбежавшей из психиатрической лечебницы пациентки с тяжелейшим случаем какого-нибудь раздвоения личности? Коль я родился под столь щедрой звездой, то пусть всё произойдёт во сне, а инструментом забвения будет уют.

Обо всём этом я успел подумать, покуда друг добирался до меня. Эти умственные упражнения сделали моё настроение необычайно игривым, ехидным и саркастическим. По всем признакам я был морально готов к грядущей аванюре, более того намеревался лить масло в огонь. Кобелёк не заставил себя долго ждать, просигнализовав о себе звонком в дверь уже через двадцать минут. Коварная ухмылка начерталась на моём лице. Впуская гостя, я подумал: «Начинается». Вошедший не успел углубиться внутрь квартиры, неизвестная особь женского пола, находившаяся посреди соседней комнаты, заинтриговала его чрезвычайно.

— Знакомься, это Безымянная, неопределённое время она поживёт со мной. — Я лаконично обрушил на друга всё, что мне самому было достоверно известно. — Безымянная, разреши представить тебе Маленького Инфантильного Кобелька. Безобиден, бесхитростен, безволен, бесконечно бессистемен, но необычайно добродушен, исключительно весел, совершенно не завистлив, а тем более не злобен.

Что мне действительно импонировало в моём друге, так это его способность пропускать подобные характеристики мимо ушей целиком и полностью. Подтрунивание и колкости по отношению к другим — укоренившаяся, исторически обусловленная традиция, и, кому бы что со стороны не казалось, я высоко ценю людей, способных воспринимать их адекватно.

Помимо сделанного неглубокого реверанса, Безымянная никак не отреагировала на новое действующее лицо. Не знаю, которое из обстоятельств сильнее всего подействовало на друга, вот только его лицо приобрело конфузливое выражение, а ничего не понимающие глаза перебегали от меня к Безымянной и обратно.

— Завтра мы идём подавать необходимые документы и летим регистрировать наш брак в Канаде.

Нижняя челюсть друга опустилась насколько возможно низко, увлекая за собой вниз уголки губ. Сами губы при этом не разжимались ни на миллиметр. Щёки впали, лоб разгладился, глаза становились всё больше и больше, они пестрили перемешанным разноцветным бисером высшего недоумения, брови стремились занять перпендикулярное положение.

Достигнув ожидаемого эффекта, я решил перенести место действия в район кухни. Пока я возился с чаем, гости плюхнулись подле низкого стола на подушки, служившие у меня в качестве стульев, и уставились друг на друга.

– Слушай, ну ты прям так на меня смотришь, что я даже не знаю... – начал было друг, которому становилось несколько некомфортно под пристальным, ничего не выражающим взглядом Безымянной.

– Хорошо, – пожала плечами собеседница, отведя взор в другую сторону.

– Нет, я, конечно, не против, просто как-то всё неожиданно.

– Что именно?

– Ну... Всё. Давно вы знакомы?

– Нет, только сегодня встретились, – вмешался в разговор я, стоя к остальным спиной.

– И завтра подаёте документы на регистрацию брака?

– А что резину тянуть, ёлки-палки! Дело-то молодое, – задорно проговорил я на манер «Эх, дубинушка», при этом обернувшись да залихватски махнув рукой, мол, пропадать так пропадать.

Какое-то время друг силился что-то сказать, но слова, видимо, никак не лезли.

– Безымянная, чай будешь? – осведомился я, уже не удивляясь манере собеседницы смотреть всякому говорящему прямо в глаза.

– Да.

– Сахар?

– Да, три ложки.

Распределив чашки, вывалив на стол всё, что подходит к чаю в качестве закуски – от орехов до сладкого, я уселся к остальным за стол.

– А как тебя зовут? – тут же нарушил тишину друг.

– Безымянная, – серьёзно ответила Безымянная, потом вдруг бегло посмотрела на меня и добавила, – не обязательно ненавидеть голубей, чтобы именоваться Шейлой, не так ли?

– Да-а-а, я пересмотрел свою классификацию и всерьёз подумал, что для этого достаточно почти неподвижного стояния на одном месте в течение получаса. – Безымянная при этих словах скорчила недовольную гримасу. Это был исторический момент, впервые со времени знакомства она продемонстрировала способность отображать на своём лице эмоции.

– А я всегда считала невежливым хозяйничать в чужом доме, ты даже не предложил мне сесть. – Она была права, действительно не предложил. Не пришло в голову.

– Там, где присутствует вежливость, отсутствует здравый смысл. Извини, я совершенно не ожидал такого стремительного чужеродного продвижения вглубь, – ядовито проговорил я.

– Сам только что сказал, там, где присутствует вежливость, отсутствует здравый смысл. Зачем было звать к себе, если не было намерения выполнять обещанное? Я не сделала ничего сверх того, о чём спрашивала, – парировала Безымянная.

– Логично, – согласился я, тут не к чему придираться, – но как ты вообще меня нашла?

– А вот это тебя не касается, – несколько резко рубанула гостя, – я в любой момент могу распрощаться с тобой. Такая необходимость возникла?

– И куда ты пойдёшь? – Я обратил внимание на едва заметно усилившееся свечение её глаз.

– Я... не знаю, – ответила Безымянная, возвращаясь в своё обычное безэмоциональное состояние, и сделала несколько глотков чая.

– Не сомневаюсь, так что пей, не бубни.

Третий участник застолья провёл всё время нашей словесной перепалки в пристальном молчаливом изучении внешних данных Безымянной. Лично меня в ней всё настораживало. Настораживало не по причине исходившей от неё опасности, таковой я не чувствовал, а скорее из-за многих нестыковок между её проявлениями и законами внешнего мира.

Во всяком случае она не являлась плодом моего воображения, друг также имел возможность наслаждаться её обществом. Развивать тему снов наяву, загробной жизни и про-

чих малоизученных феноменов я не стал. Должна же быть какая-то загадка в близлежащей действительности? А то, право, без интриги как-то совсем скучно.

Кобелёк, окончательно оправившийся от первого потрясения, очевидно, пришёл к выводу о высоком коэффициенте эстетического наслаждения, доставляемого ему созерцанием черт лица, изгибов тела и скрытых под одеждой форм Безымянной, заметно оживился. Направление его взгляда прослеживалось элементарно.

– Так что же, вы правда женитесь, – спросил наконец он.

– Нет, – ответил я, и тут телефон завибрировал вновь.

Наша вечеринка фриков начинала разрастаться. У звонившего было имя по которому мы (ни я, ни Кобелёк) никогда к нему не обращались. В моей телефонной записной книжке он проходил под названием Скот Томас. Сокращённо – Скот, в случае порицания – Скотобаза, в случае особого недовольствия – Скотозавод.

– Здравствуй Скотопёс! – воскликнул я в трубку.

Скот – удивительный человек. Настолько многогранный, что даже и не знаешь, как донести его психологический портрет животрепещуще. Сама его жизнь, как и его натура, обладает таким огромным количеством завораживающих мелких фактов, что составить из них достоверное описание всё равно, что пытаться передать красоту природы, возводя памятники в её честь из кучи зловонного гниющего мусора.

За долгие годы нашего с ним общения я научился прилаживать кусочки мудрёного паззла друг к другу, но, кажется, ни на шаг не продвинулся к получению хотя бы общего представления о собираемом рисунке.

Наблюдать эволюцию Скота – удовольствие сродни тому, что я испытывал в детстве, изучая возникновение и рост плесени в чайнике с заваркой. Пожалуй, я бы назвал его поразительным человеком. Каждый раз, когда мне начинает казаться, будто касаясь его уже всё изучено, он откалывает номер, не оставляющий иной альтернативы, кроме как растерянно чесать репу.

– Вчера видел Скота, – делюсь я время от времени с Кобельком.

– И как он? По-прежнему бредит? – отвечает мне собеседник.

– Да, совсем плох, – удручённо заключаю я, заканчивая на этом обсуждение.

В известной степени то, что я собираюсь сказать о Скоте относится и ко мне, и к Кобельку, и ко многим другим. Согласитесь, ведь о своих недостатках говорить всегда скучнее, чем о чужих. Наличие хотя бы одного Скота Томаса на жизненном пути каждого необходимо. Пообщавшись с ним тридцать минут, начинаешь радоваться простым вещам, радоваться ясному уму, твёрдой памяти, видишь в нём наглядно всё то, чего никогда не хотел бы видеть в себе.

Думаю, в Млечном Пути число звёзд окажется наименьшим ежели сравнивать его с количеством увлечений Скотобазы. Путь образования, жизнедеятельности и смерти длиною в миллиарды лет они проделывали значительно быстрее скорости света. Были и исключения. Скот умел играть на пианино, трубе, гитаре, волынке, варгане, флейте, контрабасе, активно ходил на тренировки по футболу, гандболу, баскетболу, волейболу, хоккею, фигурному катанию и бог знает чему ещё. При этом фактически он не мог извлечь ни из одного вышеперечисленного музыкального инструмента сколь-нибудь приличный звук, с этой задачей, как ни странно, даже лучше справлялся любой, впервые взявшийся за инструмент.

Наряду с сомнительными музыкальными успехами спортивные достижения вызывали не меньше вопросов. Он постоянно пребывал на какой-нибудь тренировке, но никому никогда не доводилось видеть его среди участников тех или иных турниров. Поддержанию спортивной формы его бурная деятельность абсолютно не способствовала. Имея привычку пихать в себя минимальное количество здоровой пищи, Скот финансово обогащал передо-

вых разработчиков и производителей разнообразной пищевой химии. Это обернулось наличием уже к двадцати трём годам излишних жировых отложений в области живота.

Вопросами конкретизации поставленной цели Скот не интересовался, по причине этого проблематично сделать вывод о его достижениях или их отсутствии. Проекты у него были всегда грандиозны, а сквозь жизнь лейтмотивом звучали абстрактные «надо всё попробовать» и «надо интересоваться всем». А теперь возьмите и выверните обе эти аксиомы наизнанку.

Первое ещё было меньшим из двух зол. Люди с такой установкой нередко излишне самозабвенно предаются саморазрушению. Под «надо всё попробовать» подразумевалась обыкновенно очередная старческая затея. Имея в такие моменты значительное сходство со страдающими болезнью Паркинсона, Скот принимался топить пряник в чае. Получив из него жидкую массу неопишущего цвета, он не завершал эксперимент. Мог навернуть в ту же ёмкость лапши из пакетика, бросить туда сыр, шоколад, мёд, а потом сделать себе бутерброд из всего этого, приправив получившееся кетчупом да майонезом. Полагаю, что именно из «надо всё попробовать» вытекали бесконечные озвучивания никогда не осуществлявшихся чаяний. Лучше Скота во плоти иллюстрации к картине «я умею всё, но я ничего не умею» вряд ли возможно сыскать.

Со второй аксиомой «надо интересоваться всем» дела обстояли много печальнее. Сама по себе в исправно работающих мозгах она со временем может преобразоваться в увлечение конкретным научным направлением. Скот избрал себе кумиром не великого учёного или философа, чьи труды не утрачивают актуальности сотни лет, а непонятного, не приспособленного к жизни асоциального уродца, прославившегося своим спором, что он никогда не женится, даже больше, чем теми книгами, которые он прочитал. Набив свою голову сухими фактами, кумир был не в состоянии изобрести ничего нового. Загадив свою квартиру, ни сделав ни одного открытия, он частенько мелькал на телеэкранах, комментируя без разбора всё подряд. И у этой личности при желании можно было бы чему-то научиться.

Скот так и не прочитал ни одной книги, зато свои безграничные знания он ежедневно выуживал из сайтов вроде «пипикака точка ру», а также из прочих интернет сборищ латентных маргиналов. Почерпнутая информация никоим образом не стыковалась с возникающими реальными проблемами.

Никогда не забуду, как он устроил у меня короткое замыкание со взрывом, перекрутив свисающую с потолка кухни люстру. Задача подсоединения двух торчащих проводков к новому патрону отчего-то оказалась невыполнимой. Схватившись за голову, я с ужасом молча наблюдал, как он пытается выяснить, который из этих проводков плюс, а который минус. Мои слова он как всегда игнорировал. Потом он принялся звонить знакомому электрику. В итоге Скот всё равно оказался бессилен.

Из Скота, как из чёрной дыры, не мог вырваться свет. Он являлся средоточием умопомрачительного объёма шуток и анекдотов самого низкого качества. Я никак не мог понять, воспитан ли он дурно или вообще никак не воспитан. Всего несколько минут уходило у Скота, чтобы повергнуть кого-то в шок своей бестактностью.

В два года для человека нормально садиться на горшок, а потом со спущенными штанами, а иногда и с горшком в руках бежать к маме, которая, заботливо удостоверившись в приемлемости объёмов и качества проделанной работы, ласково погладит по голове. Скот, живущий вот уже третий десяток, так до конца и не смог перебороть в себе инфантильность. Вообще, всё, связанное с горшком и пищеварением, Скот схватывал чрезвычайно быстро. Мы всячески старались наставить его на путь смены вульгарной манеры держаться в обществе, но безуспешно. Много чего ещё можно добавить к такому колоритному образу, но на данный момент целесообразность этого сомнительна.

– Поехали в кино, – это единственные, внятно произнесённые, разобранные мной слова Скота, слышавшиеся из трубки.

– Да запросто. Поедем вчетвером.

– Вчетвером? А кто ещё?

– Маленький Инфантильный Кобелёк и таинственная незнакомка.

– А кто таинственная незнакомка?

– У тебя будет возможность лично задать этот вопрос. Ну, так что, тебя ждать часа через четыре? – Скот действительно имел дурацкую привычку утверждать одно, а делать обратное. То есть мог обещать быть через некоторое время, а в итоге не приехать вовсе. Из трубки слышалось недовольное цоканье.

– Давайте собирайтесь, я за вами через час заеду.

Раньше подобное не вызвало бы во мне и намёка на удивление. Причина этого проста. Некогда мой непутёвый друг ездил за рулём другой машины. Дешёвой, зато куда более удобной и надёжной. Затем ему взбрело в голову избавиться от неё, купить дереликтовую модель, коих в мегаполисе не более тридцати штук. Сообразно всяким его затеям покупка являлась контрпродуктивной. Средство передвижения стало менее вместительным, а посему значительно уступало исходному по удобству. Всё это ещё можно было объяснить специфическими вкусовыми предпочтениями. А вот объяснить, зачем менять то, что работает, на то, что девять месяцев в году стоит в гараже и ждёт запчастей для ремонта, можно только воспалением мозга.

Ко всему прочему стоит добавить полную непредсказуемость автомобиля. Случалось, что тормоза отказывали без видимой причины на скорости, далеко за сто километров в час, а через несколько минут начинали работать опять сами собой. Толком не отремонтировав одну едва живую железку, Скот уже намеревался купить другую, не менее конченную.

Как я говорил, за подобными пертурбациями уследить было крайне сложно, а ещё меньше они подлежали логическому объяснению.

– Кобелёк, Скот зовёт в кино через час.

– А что там идёт? – поинтересовался друг.

– А какая разница?

– И то верно. – Наши диалоги вообще либо содержали в себе тонны желчи, либо велись образцово лаконично.

– Безымянная, ты с нами? – на этот раз я сам посмотрел ей в глаза.

– Да.

Последовавший за этим разговор не несёт в себе ни литературной ценности, ни особой смысловой нагрузки. Друг, снedaемый любопытством, пытался узнать о причинах появления у меня на кухне необычной гостыи и обо всём с этим связанным. Это ему не удавалось, во-первых, из-за ограниченности моих знаний по сути дела, во-вторых, из-за неразговорчивости Безымянной в отношении всего, что было связано с личной биографией.

Безымянная в основном вела себя так, будто никто, помимо неё, на кухне не присутствовал, изредка, впрочем, снисходя до односложных ответов. Таская со стола угощения, она искоса поглядывала на две, сидящие неподалёку мужские особи.

Особи не теряли времени даром, а решали важные стратегические задачи. Например, Кобельку совершенно невыносимым виделось пребывание в застенках зала без горячительных напитков. Его желание крепко каждую минуту, и вскоре мне стало очевидно, что без горячительных напитков ему невыносимо пребывание где бы то ни было в принципе.

Наступил один из тех моментов, о которых я ранее упоминал. Началась трагедия и ужасная пытка. Друг ну никак не мог решить, бежать ли ему за чем-то прямо сейчас, дожидаться Скота и купить по пути или же определиться в кинотеатре. Он порывался, в ту же секунду одёргивался, неоднократно спрашивал совета, заворачивая один и тот же вопрос

в разные формулировки, он вскакивал, а через мгновение уже опадал, подходил к окну, закуривал, пылко распространялся о грядущем веселье.

Скот прибыл к нам быстрее, чем Кобелёк успел распутать свой клубок откуда ни возьмись выскочивших осложнений. Квартира мгновенно наполнилась беспокойной суетой. В коридоре возникла толчея, из-за неё я проморгал момент, когда Безымянная успела обуться. Она первая выскочила из квартиры, через несколько минут мы воссоединились внизу. На ней уже были надеты весьма изящные босоножки.

За эти несколько минут Скот и Кобелёк активно делились друг с другом впечатлениями о Безымянной. Людям с очень разными взглядами на жизнь это было необычайно тяжело. Если рассматривать их восприятие мира на примере любого крупного события, например, грандиозного научного открытия, то Кобелёк, действительно восторгаясь прогрессом науки, способным, допустим, в обозримом будущем сделать доступными для человечества иные миры, не приминёт интерпретировать его на свой лад. Ему будут грезиться райские планеты, по какой-то причине населённые только обнажёнными женщинами.

Скот же, абсолютно не интересуясь ни самим открытием, ни горизонтами, благодаря нему открывшимися, станет педантично допытываться, а какой галстук был на учёном в момент открытия? А что он съел на завтрак? А с какой ноги он встал? Начался ли его день с почёсывания уха или лба? Какой звук издаёт сигнализация его машины? Сколько этажей в его доме? Любит ли он скакать на одной ноге и хлопать в ладоши? И, наконец, самое для Скота важное, сколько раз в день он посещает клозет по тем или иным причинам? Скота удовлетворил бы только самый доскональный отчёт.

Диалог Скота и Кобелька всегда иссякал через пару минут вместе с терпением последнего. «Ну ты и придурок», – исключительно не злобно, а скорее ошарашенно, в сердцах говорил Кобелёк, махал рукой и отворачивался.

– А может быть, позовём Альбатроса? – Обратился Кобелёк ко мне, закрывавшему в то мгновение квартиру.

– Соберём всех крипов окрестности? Пожалуй, можно. – Сперва Кобелёк, потом Скот, а теперь ещё и Альбатрос. Зоопарк на гастролях, где у каждого своя исключительная роль. Моя – старого, ворчливого, вечно недовольного сторожа. – Звони ему, скажи, что сейчас за ним заедем.

Биографии каждого отдельно взятого жителя планеты довольно схожи. Все когда-то родились, кое-как воспитывались, худо-бедно самообразовались, в основном женились или вышли замуж, пополнили популяцию приматов, да в конце концов преставились. Вырванная из цельной композиции история приобретает черты индивидуальности, делающие жизнеописание отнюдь не таким прямолинейным и очевидным, каким оно представляло изначально.

Головокружительные взлёты и стремительные падения Альбатроса, пожалуй, не оставляли никого равнодушным. Талантливый программист и добросовестный работник. Его звезда воссияла довольно рано. Пока мы прожигали жизнь восемнадцатилетними оболтусами, Альбатрос в поте лица зарабатывал свой первоначальный капитал.

Ему был присущ сверхматериальный взгляд на мир да вытекавшая из того железная логика, в свою очередь побочным продуктом которой являлась неуместная упёртость, за которую Альбатрос зачастую расплачивался своим здоровьем. При бесспорной обширности интеллектуального багажа Альбатроса, уровень его социальной адаптации, впрочем, как и житейский опыт оставляли желать лучшего.

Альбатрос Мутант – так мы именовали между собой знакомого программиста. Черты его лица действительно имели сходство с хищной птицей. Слово «мутант» приклеилось чуть позже после недельной истории с роликовыми коньками, главным героем которой Альбатрос и заделался.

Лет семь назад, после долгого перерыва, я снова встал на роликовые коньки. Для этой цели я избрал простую, дешёвую, но довольно удобную пластмассовую модель. Катался я по вечерам в небольшой компании друзей. Решивший приобщиться к нашим вечерним рейсам Альбатрос, никогда не стоявший ни на роликовых, ни на зимних коньках, вопреки всеобщим советам и наставлениям купил себе средство своей гибели, а не увеселения.

Помимо наличия дорогостоящих материалов, модель Альбатроса щеголяла исключительного качества подшипниками, способными разогнать любое тело на ровной поверхности до шестидесяти километров в час от лёгкого дуновения ветерка. Каждый раз, когда Альбатрос надевал своё приобретение на ноги, в моей голове очень громко начинало звучать диско. Оно звучит даже тогда, когда я просто вспоминаю об этом.

Поверьте, корова на льду обладает невыразимой грацией в сравнении с тем, что продемонстрировал Альбатрос. Начнём с того, что ему вообще было тяжело встать с лавки, ибо его ноги сами собой начинали разъезжаться в разные стороны со скоростью звука. Потратив полчаса, Альбатрос умудрился встать и к всеобщему ужасу поехать. Процесс езды он не контролировал никак, а только лихорадочно пытался поддерживать равновесие, неистово разбрасывая руками-крыльями в разные стороны. Обычные альбатросы так крыльями не машут, на это способны только альбатросы мутанты!

Характерное для Альбатроса мышление двоичным кодом сказывалось в повседневной жизни отсутствием мимики да топорными жестами железного дровосека. И вот Оно поехало! Даже не поехало, а барахталось в случайном направлении, ежесекундно путаясь в ногах и рискуя рухнуть на землю. Оно ехало и словно танцевало так, как если бы не было завтра, как если бы кто-то врубил на полную катушку YMCA, как если бы оно служило регулировщиком на авианосце и ему нужно было посадить сто истребителей за десять минут, будто своими размашистыми движениями оно старалось послать сигналы в открытый космос.

Спустя неделю, так и не научившись уверенно преодолевать по прямой и десяти метров, Альбатрос заявил, что кататься по одним и тем же аллеям ему наскучило. Он поведал о своём намерении в самое ближайшее время отправиться осваивать новые территории. Кто-то из его знакомых пригласил Альбатроса, скажем так, туда, где ему пока рано было кататься.

Мы пытались предотвратить безумную затею, но наши доводы оказались неубедительными. Самое крупное опасение вызывала смесь двух незначительных деталей. Неумение Альбатроса контролировать вектор своего направления, а также наличие очень плотного людского трафика на территории, где собирался опробовать свои силы неоперившийся Альбатрос.

Вечером того же, что и злополучная прогулка, дня он позвонил на сотовый, сообщив о своей скоропостижной госпитализации, о внутреннем кровотечении и о переломе коленного сустава, вывернутого против часовой стрелки. Гипс не снимали месяцами. Года полтора потом Альбатрос хромал по миру при помощи трости. С той поры и до сих пор он ни разу не катался на роликах. Память о его зажигательных произвольных танцах и удивительном тупоугольном чувстве ритма жива и поныне.

Последнее в симбиозе с абсолютным отсутствием слуха сводило на нет любые порывы души Альбатроса. Неважно, какая музыка играла, он всегда исполнял танец подобно тому, как изображают паровозик дети, играя в детском саду. Независимо от стиля, в котором Альбатрос изо всех сил старался исполнить песню, его голос всегда громогласно гремел, как у взбравшегося на дерево за мёдом медведя, изжатого пчёлами, рухнувшего вниз, угодившего ещё ко всему прочему в капкан.

Зависнув на уровне Ньютоновской парадигмы, Альбатрос пытался построить точную-преточную картину мира. Постепенно сведя все связи с внешним миром до речевого

аналога нуля и единицы, он в итоге заявил, что уедет в Америку и изобретёт там вечную жизнь.

Альбатрос крайне туго мог рассчитать, какое действие нужно совершить с какой силой. Перемещаясь на своих двоих, он имел всего две скорости, сверхбыструю и нулевую. Завидев кого-то из знакомых, он с таким видом начинал сближение, что уже не вызывало сомнений: Альбатрос идёт на таран. Каждый раз он останавливался на максимально близком расстоянии от собеседника, при этом покачиваясь в разные стороны некоторое время, будто пружина.

Так было со всем. Альбатрос старался в силу каких-то причин делать всё стремительно, хищнически, экспансивно. На педаль газа он давил от всей души, как следует разогнавшись, наш бравый знакомый нажимал на педаль тормоза с не меньшим энтузиазмом. Это совершенно штатная ситуация, при каждом таком торможении содержимое багажника его джипа, перелетев задние и передние сидения, сползало вниз по лобовому стеклу. Наплева- тельски относящиеся к своей безопасности люди, поездив с Альбатросом, мгновенно обучались пользоваться ремнями безопасности, будучи даже на заднем сидении.

С поворотами тоже возникали осложнения. Самыми коварными были длиннющие заезды и съезды на эстакады. Очень трудно не въехать в тот или иной край дороги, если умеешь поворачивать только под прямым углом. Альбатрос явно не любил почти всё плавное, неясное, субъективное.

Машина страдала часто. Услугами сервисов друг из идейных соображений не пользо- вался. За какие-то немислимые деньги он договаривался с откапываемыми им самим очуме- лыми ручками. После таких вмешательств ремонтируемое не ремонтировалось, а работав- шее до этого исправно переставало работать.

Классический пример горя от ума. Человек посвятил себя тяжёлым думам настолько, что даже слетел с катушек. Окончательно Альбатроса подкосило решение не употреблять алкоголь, табак или лёгкие наркотики. Подпилив сук, на котором он сидел, убрав немногие, способные воздействовать на него расслабляюще вещи, Альбатрос одичал.

Его глаза потухли, вместо престижной и перспективной работы появилась низкоопла- чиваемая и рутинная. Новая машина так и не была куплена, а старая продана, ремонт в квар- тире не сделан, первоначальный капитал спущен неизвестно куда. Речевой аппарат из-за отсутствия общения с живыми людьми начал атрофироваться.

Альбатрос чах на глазах, но никто и ничто не могло способствовать его выздоровле- нию. Пить и курить он отказывался, а таблетки, прописанные врачами, никак не помогали. Ни о каком спорте не могло быть и речи. Гений Альбатроса терпеть не мог всех этих неда- лёких с его точки зрения бегунов, прыгунов и атлетов. Через какое-то время вокруг Альба- троса образовался вакуум. Изредка видя его на улице, знакомые справлялись о делах. «Да», – не своим голосом отвечал Альбатрос после долгого обдумывания вопроса, как если бы он последние двадцать лет жил где-то в глухом лесу.

В состоянии овоща (хотя, конечно, Альбатрос сам так не считает) он провёл года пол- тора. Близкие родственники, а тем более друзья уже оставили всякую надежду на какое бы то ни было улучшение. Не то, чтобы его совсем забыли, не вспоминали, просто всякий диа- лог с Альбатросом становился каторгой, а это влекло настойчивое желание свести встречи с ним к минимуму.

Насколько медленно развивалась болезнь, настолько же стремительным и неожидан- ным оказалось выздоровление. В один из морозных зимних вечеров я и Кобелёк шатались по пустынным, заснеженным улицам. Мы было собирались расходиться по домам, как вдруг на горизонте, расправив свои могучие крылья, выставив свой хищный клюв вперёд, нари- совался Альбатрос. Он пикировал в нашу сторону. Удивительным открытием стала для нас вновь теплившаяся в его глазах жизнь.

«У меня дома есть бутылка вина, пойдёте выпьем», – донеслось из клюва. При этих словах Кобелёк пустился выделять весьма загадочные па, полагая каждый из народов нашёл бы в этом танце что-нибудь знакомое.

С тех пор Альбатрос взял курс на выздоровление. Карьера пошла в гору, появились мечты, планы и цели, речь стала восстанавливаться. Альбатрос с удовольствием принимал участие в каких бы то ни было посиделках. Конечно, он не стремился приложиться к горячительному при любом удобном случае, но в ограниченных дозах оно воздействовало на него крайне благотворно.

Так что с недавнего времени Альбатрос снова сделался завсегдатаем нашей небольшой, но активно разрастающейся компании. Будто давно забытое видение, я опять имел возможность наблюдать диалоги Кобелька и Альбатроса о возможности построения альтернативных космологических моделей вселенной методом кубической компьютерной гиперболы, о наличии в построенных моделях роботизированных форм жизни, а также о жизнеспособности таких форм в целом и их недостатках перед тотально органическим телом. Почему-то в основном женским.

За ходом дискуссии всегда было интересно наблюдать. Заканчивалась она под утро, в пятом или шестом часу. Никто из участников и наблюдателей не мог припомнить, с чего всё начиналось. Конец всенепременно был в высшей степени дружелюбным. Несколько нетвёрдой, шатающейся походкой гости разбредались по домам.

– ОК, сейчас позвоню, – спокойно проговорил Кобелёк, доставая из кармана трубку.

– Здорово, Альбатрос! – послышалось у меня за спиной через несколько мгновений, когда мы спускались вниз по лестнице.

Безымянная встретила нашу вывалившуюся из подъезда компанию характерным для неё взглядом. За счёт скрещенных на груди рук его испепеляющий эффект многократно усиливался.

– Замечательно, ты успела переодеться, лифты нынче так долго ездят или пространство позади мусоропроводов расширили и превратили в раздевалки? – Помимо босоножек на Безымянной были аналогичного что и прежде цвета, но совершенно другого, куда более свободного и лёгкого фасона штаны. – Где ты прячешь свой гардероб?

Нарочито непонимающе Безымянная стала осматривать свои ноги. Кобелёк, увлечённый беседой по телефону, не слышал моих слов. Мимо Скота Безымянная пронеслась на выход тем же манером, что не так давно мимо меня на вход, естественно он не успел обратить внимание на то, в чём она была одета.

– Я поеду впереди, – властно констатировала Безымянная по приближении к машине.

– Договорились, тогда треки переключать тоже будешь ты. Смотри, не позволяй Скоту притрагиваться к музыке, – Безымянная посмотрела на Скота взглядом убийцы, внимательно изучающего метрику будущей жертвы.

Через несколько минут в салон прилетел Альбатрос, покуда он совершал посадку на заднее сидение, Кобелёк успел совершить набег за всем ему необходимым. Альбатрос плюхнулся посередине, я сидел позади Безымянной, а Кобелёк за спиной водителя соответственно. Странности продолжились.

– Я вам сейчас такую композицию поставлю, – сказал Скот, его левая рука потянулась к кнопке смены музыкальной дорожки, но тут неожиданно для всех Безымянная с такой силой огрела её ударом своей пятерни сверху вниз, что с ускорением полетевшая ко дну салона конечность увлекла за собой всё тело. Правая рука, находившаяся на руле, дёрнулась вслед за корпусом влево.

– Ай, больно же! – голос Скота был переполнен нотами удивления.

– Всегда мечтал так сделать, – безжалостно сказал я, пока машину лихорадило то вправо, то влево.

– Ух как хорошо ты его, – засмеялся Кобелёк, пытаюсь не пролить начатый напиток.

– Блин, знаешь, как болит? Попроси её тебя так же стукнуть, – возмущался Скот.

– Да ладно тебе, не бубни, следи за дорогой, – успокаивал Кобелёк.

– Дай сюда, – скомандовала Безымянная, сгребая при этих словах ушибленную руку Скота. Повертев и пощупав её несколько секунд, она заключила, – не переживай, перелома нет. Через пару минут перестанет болеть.

– Безымянная, держи флешку, включай с неё наш плейлист, – высунулась вперёд моя рука.

– Хочу Бэрри! – капризничал Кобелёк.

– Да, включай Бэрри Уайта, – попросил я.

– Не переживайте я разберусь, – словесно пресекла Безымянная попытки постороннего вмешательства в её взаимодействие с техникой.

С задачей она справилась блестяще.

– Как жизнь, Альбатрос? – успел спросить Кобелёк.

– Хорошо, – прозвучал ответ, сопровождаемый вступительными аккордами нашей любимой «Let the music play».

И вот мы едем по ночному городу с открытыми окнами и слушаем Бэрри Уайта. Слушаем только первые полминуты, а потом я и Кобелёк начинаем петь. Оставшаяся часть мужского народонаселения салона вскоре начинает стараться негромко подпевать. Мне кажется, что если меня связать по рукам и ногам, заткнуть рот кляпом и включить Бэрри Уайта, то я просто сожру кляп, из чего бы он ни был сделан, но петь всё равно буду.

Безымянная оказалась крайне способным звукорежиссёром. Давно я не получал такого удовольствия от наших рейсов. Одна мелодия сменяла другую, не успевая наскучить. Скот не делал попыток повлиять на последовательность звучания. Мы не прекращали петь всю дорогу. Поскольку я давно не упражнял свой голос, то к концу почти получасового путешествия он был сорван.

Надо отметить, что подобные прогулки действовали на меня крайне благотворно. Езда, мельтешащие мимо неоновые огни, хорошая музыка, заставляющая петь в полную силу, не стесняясь. Я как-то резко добрел. Верши я судьбы мира аккурат после такой вот прогулки, то, пожалуй, процент необходимого истребления человеческой популяции упал бы с девяносто пяти до семидесяти процентов. Кажется, совсем давно минули времена, когда поход в кино был целым событием. Все кинотеатры тогда помещались в отдельных зданиях и не вели никакой деятельности, помимо демонстрации фильмов. Из-за наличия в них только одного зала нужно было заранее подгадывать сеанс, если хотелось попасть на определённый фильм. Зато, как правило, с удобными сидениями и изумительным звуком.

Современные дешёвки встраиваются нынче в каждый торговый центр. Точно таким же манером возникали в былые времена на любой ярмарке балаганы. Не в последнюю очередь благодаря им раскрылось множество талантов, а посему как к ним, так и к нынешним комплексам, соревнующимся между собой всё большим числом залов при всё меньшем их размере, у меня сложилось неоднозначное отношение.

Парковка не заняла много времени, мы приехали аккурат к началу сеанса и, возможно, даже успевали на рекламу. Такому идеализированному варианту развития событий не суждено было осуществиться, потому что (вот неожиданность!) фантастическое средство передвижения Скота в очередной раз сломалось.

У машины было всего две двери, открывались они вверх, ехать трём особям мужского пола на заднем сидении – адская мука. Неудобно ни садиться в машину, ни вылезать из неё. Уж не знаю, да и не хочу знать, что конкретно приключилось с этим куском металлолома, но одна из дверей начала таинственно постанывать, кряхтеть, дёргаться и вести себя так, будто готова вот-вот отвалиться. Закрыть её, судя по всему, возможности не было.

Как всякий уважающий себя примат с образом мысли истинного девятючника, Скот нырнул под дверь с набором гаечных ключей наперевес. Вокруг было полно парковочных мест, но наш водитель предпочёл находившееся напротив помойки. Удачное расположение машины делало действие по её починке особенно символичным.

Ни один мускул не дрогнул на лице Безымянной, казалось, больше озабоченной изучением домов вокруг нас. Альбатрос скрестил руки, свесил голову на грудь и впился своими хищными глазками в спину Скота. Мы с Кобельком торжественно гоготали и злорадствовали.

– Тебя за ноги подержать? – любезно спросил я.

– Лучше дверь подержите, – донеслось снизу.

Принуждённым аристократическим жестом Кобелёк брезгливо дотронулся до холодной поверхности металла и тут же поморщился, ибо его рука была безнадежно испачкана.

– Спасибо, – кряхтел Скот.

Дело, к которому, пожалуй, никто, помимо Скота, не питал интереса, явно затягивалось. Бравый ремонтник вымазался в смеси машинного масла и пыли по локоть. Никакой иной поддержки, помимо моральной, я оказать ему не мог. Исходя из этого, я ставил под сомнение целесообразность своего нахождения между двух помоек, одной железной, а другой химико-органической.

Выступить в составе авангарда со мной неожиданно вызвалась Безымянная. Я уже не надеялся достать билеты на приемлемые места, а просто хотел купить то, что осталось. Вдвоём мы отправились на промысел, оставив Скота на попечении необходимого числа рук, дабы помогли ему, и ртов, дабы было с кем поболтать.

– Скот – идиот, – в своей необыкновенно «эмоциональной» манере брякнула Безымянная, стоило нам чуть отдалиться.

– Ой ли? – недружелюбно скосил я взгляд в её сторону. Мой язык не щадил никого из близкого окружения, а тем более за его пределами. Отношение к посторонним, нарушающим мои исключительные права на метание грязи в друзей, было резко негативным.

– Я подумала, тебе будет интересно знать, что я разделяю твою точку зрения.

– Я предполагал в тебе наличие мыслительной способности, но впервые она проявлена тобой так открыто. – Безымянная собиралась что-то сказать, но я перебил её. – Кстати, я абсолютно уверен, что тебе ещё не доводилось слышать, как кто-нибудь из нас называет Скота подобным образом.

– Нет, не доводилось. Вывод напрашивается сам собой.

– Напрашивается. – Что я мог возразить? Действительно, напрашивается.

– Так чем ты недоволен?

– Плагиатом. Скот не испытывает нехватки людей, обращающихся с ним будто с полумным, в их стане не предвидится вакантных мест в ближайшее время. Расширение штата – опция, рассмотрению не подлежащая, – деловито заявил я.

– Хм, – таинственно умолкла Безымянная.

Пяти мест рядом не оказалось. Руководствуясь планом зала, я заботливо выделил самое неудобно расположенное кресло Скоту. Паршивость оставшихся четырёх была примерно одинаковой. Два располагавшихся рядом места были зарезервированы под Кобелька и меня. Безымянную и Альбатроса пришлось сажать поодиночке на некотором удалении друг от друга.

Откровенно признаться, я сам до конца не понимаю своих мотивов, когда дело доходит до посещения кино. Видимо, это трибьют остаткам затухающего во мне стадного чувства. Я никогда не читал рецензий, не спрашивал чьих бы то ни было советов, прежде чем пойти на фильм. Изредка обсуждал я ранее просмотренное. Случалось такое обычно в новой компании при необходимости поддержать разговор.

Перебаривая очередную картину, я всё время невольно вспоминал Скота. Он страдал тяжелейшей формой синдрома поиска глубокого смысла, заставлявшего меня радоваться запрету на продажу в стране огнестрельного оружия, иначе я пристрелил бы беднягу, избавив его тем самым от столь несуразных логических построений, коими он донимал нас всякий раз после финальных титров.

Альбатрос воспринимал все фильмы критически, но молча. Кобелёк на протяжении сеанса поглощал, убегал метить территорию, возвращался с новым пластиковым стаканчиком, блаженствовал некоторое время, потом страдал и убегал вновь.

Вокруг Безымянной мистическим образом возникла мёртвая зона. Впервые я видел людей, добросовестно отключавших на время просмотра мобильные телефоны, стоило только Безымянной сфокусировать свой взгляд на ком-то. Схожий эффект подавления стадного поведения взгляд оказывал на жующих, кашляющих, блеющих и ржущих. Всякая тварь стремилась отпрянуть от Безымянной, будто от источника огня. Она в считанные минуты выдрессировала окружение в радиусе пяти метров от себя, не прилагая к тому особых усилий. Это меня позабавило куда больше самого фильма. Бедняги даже не смеялись со всем залом, постоянно пребывая в каком-то молчаливом напряжении.

Превыше всего я ценил в любом фильме реалистичные спецэффекты, а не такие, где поезд врзается на полном ходу в едущий навстречу пикап, а затем, сойдя с рельсов, взмывает ввысь на манер реактивной ракеты. Водитель пикапа, естественно, выживает. Смотрится такое эффектно, но пахнет Скотом Томасом.

Остросюжетные ленты про приступ аппендицита в вагоне застрявшего под землёй поезда с вытекающей отсюда моральной дилеммой навевали на меня тоску. Драмы о тяжёлом положении императорских пингвинов в тайном концентрационном лагере Северной Кореи, а также о сверхсекретной спасательной операции принуждали недоумевать.

Ближе к концу, конечно, выяснятся благие намерения корейцев, пытавшихся привить вымирающим пингвинам геном курочки для увеличения плодовитости. Пусть уж сразу по шестьсот-семьсот яиц в день несут, чего уж там! Моральная дилемма в этом случае приведёт к тому, что главный злодей в конце скажет: «Мы должны выполнить приказ, Джон!» «Я не могу этого допустить, Бил! Пингины будут жить!», – ответит протагонист, в финальной схватке из последних сил побеждающий противника коварным выкручиванием соска.

Предложенный сценарий многофункционален. Это может быть боевик, описанный выше. Может быть фильм ужасов, если эксперимент пойдёт не так и прибывшие на место командос обнаружат изглоданные трупы учёных. События могут разворачиваться как в «Роковых яйцах», тогда это будет уже фильм-катастрофа. По вкусу можно приплести сюда инопланетян с их технологиями и получить фантастику. Можно порадовать любителей психологических триллеров, душераздирающе рассказав о сошедших с ума учёных, работавших над экспериментом. В любом случае спасти кого бы то ни было вполне реально отправить сборище девиц в обтягивающих костюмах и мужиков в нижнем белье поверх трико, объединённых в какую-нибудь лигу. Да, чуть не забыл, всенепременно добавить надпись: «фильм основан на реальных событиях».

Из такой белиберды получится даже фэнтези. Достаточно хотя бы части пингвинов оказаться из параллельной вселенной. А коль один из учёных окажется зоофилом и влюбится в своего подопытного, то при наличии у первого жены и детей мы получим любовную драму. При наличии жены и детей ещё и у второго, а также открыв хотя бы у одного из действующих лиц тайную гомосексуальную связь с другим работником объекта, мы получим «Оскар» за лучший фильм.

Претендовать на серьёзность в том месте, куда люди приходят почавкать, посмеяться и просто в надежде, что подруга сегодня соблаговолит остаться на ночь – чистое лицемерие. Лицемерие – аплодировать стоя авторскому фильму о судьбе беженцев на каком-нибудь

кинофестивале, а потом, ничего не предпринимая, возвращаться в свой пентхаус на машине с водителем после жаркой дискуссии на пресс-конференции.

Имей я возможность угробить десятки, а то и сотни миллионов на сомнительное творчество, то мой фильм, снятый одним блестяще отрепетированным дублем, длился бы часа три с половиной. Помимо летящих в разные стороны оторванных конечностей, взрывов, стрельбы и разрушений там не было бы ничего. Досталось бы всем.

По окончании сеанса мы молчаливо покидали зал. Скот, из нашей мужской четвёрки зарабатывавший больше всех, тративший львиную долю своих средств на бесперспективный ремонт, принялся мародёрствовать, собирая ёмкости с недоеденным попкорном. Эту привычку он приобрёл относительно недавно, что свидетельствовало о всё возрастающей силе наружных проявлений обитавшего внутри мелочного скупердяя.

На подступах к автотранспорту мне стало очевидно, что Кобелёк вновь испытывает муки, но на этот раз муки голода. То был редкий момент моей и Альбатроса Мутанта сто-процентной солидарности с Кобельком. Скотопёс не имел ни малейшего шанса сопротивляться многократно превосходящей чужой воле. Безымянная не вмешивалась.

Побурчав себе под нос нечто нечленораздельное и тихонько, должно быть, в знак протеста, рыгнув, Скот уселся за руль. Ближайший, почти круглосуточный храм резиновых котлет, безвкусовых булок и силиконовых колбасок на машинном масле располагался через дорогу от кинотеатра. Всё было сделано ради удобства клиента. Не надо было отрываться от сидения машины ни для оформления заказа, ни для произведения расчётно-кассовых операций, ни для получения провизии, сгружавшейся прямым ходом в салон машины.

Моя фантазия разыгралась, пока мы перемещались со стоянки и простаивали в очереди из машин, я стал прикидывать в уме, возможно ли при условии бесплатной раздачи аналогичной еды извести мало-мальски значительное количество вечно ремонтирующих своих железных коней автолюбителей, и клонет ли на это Скот? Быстро придя к выводу, что еду можно вовсе не переводить, а с большим успехом объявить бесплатную раздачу запчастей. Теоретически свалившееся счастье могло иметь достаточную силу, способную вытеснить из мозга всякие мысли о еде, сне и прочих потребностях. Где-то вдалеке маячил ничтожный шанс быть кому-то покалеченным, а ещё лучше раздавленным из-за бракованных домкратов или других непредвиденных ситуаций.

Впрочем, всё это только мечты. Ещё в детстве аналогичные опыты на голубях дали отрицательный результат. Мне было интересно, станут ли они до беспамятства есть хлеб, если дать им его в неограниченном количестве. Может ли их стошнить и помрут ли они от перенасыщения? С тех пор голуби мне разонравились совершенно.

Набив сумку десятком свежих батонов, я отправился высматривать подопытных. Как в каком-нибудь детективе, я так и не нашёл голубей, зато они нашли меня сами. Стоило мне только бросить немного хлеба посреди улицы, как один представитель с характерно интеллектуальным выражением выпученных глаз орлом спикировал вниз из верхних слоёв атмосферы, оставляя за собой реактивный шлейф.

Совершив пешую прогулку, бессмысленно урча и выворачивая голову под разными углами, голубь начал поедать наживку. Я тогда понял, почему некоторые люди любят кормить этих птиц, ведь они едят так, словно стараются со всего размаху приложиться головой об асфальт, но клюв им постоянно в этом мешает.

Лично я могу объяснить феномен превращения частной трапезы одного голубя в обширную клубную вечеринку с сотнями гостей исключительно телепатией. (Отдалённо похожий эффект на людей достигается раздачей в один из праздников гречневой каши.) В результате пернатые создания съедали одним им ведомую норму, а затем, расправив крылья, преспокойненько покидали банкет. Я негодовал. Опыт провалился.

Несколько позже утешение пришло ко мне обрывками информации о возможности закормить какую-то породу кошек, а не то собак. Добыть такую и проверить слухи на практике мне не удалось.

Наша дружная компания всё ещё не решила вопрос относительно объёмов предстоящего заказа, когда слева от нас в ярко светящемся окошке нарисовался лик Дульсиныи Тобосской. За минувшие четыре столетия она ничуть не изменилась. Излишне полная, возбуждавшая своей красотой желание вырвать себе глаза, бьюсь об заклад, изысканно пахнущая, своим ласковым, железобетонным, прямолинейно крестьянским голосом она, не глядя, изъявила желание принять у нас заказ.

Потом Дульсиныя встретила взглядом с Безымянной, ибо руль в машине Скота находился справа. Взгляд оказал своё типичное расколдовывающее воздействие. Первым делом к Дульсинее вернулись королевская дипломатичность и дворянская учтивость. «Да уж, в наш заказ никто точно не плюнет, Дульсиныя за этим проследит», – подумал я.

Скот, пожалуй, излишне трепетно относился к чистоте своего средства передвижения. Его не смущали вечно валяющиеся на заднем сидении тряпки, вымазанные в масле, тошнотворно пахнущий дичайшей смесью растворителя с бензином салон, постеленные под ногами вместо ковриков газеты. Уверен, отсутствие последних вызвано вопросами экономики, за их чистку на любой мойке дерут баснословные, по меркам Скота, деньги.

Выгонять нас на прокорм вон – деяние такое же мудрое, как ставить рядом с выгребной ямой табличку «Внимание! Посторонние предметы не бросать! Мухи расстраиваются и впадают в депрессию!».

Откровенно говоря, мне было безразлично, где именно поглощать приобретённое, я просто не мог упустить очередной повод подонимать колкостями Скота. С набитым ртом это давалось нелегко, и вскоре мне пришлось остановиться из-за возникшей необходимости сконцентрироваться на каком-то одном виде деятельности.

Полуночный шабаш. Праздник живота. Богатая вкусовая гамма противоестественного происхождения на языке. Еда, падающая пушечными ядрами прямоком во чрево, сковывала наши движения приятной тяжестью. Разливающееся изнутри по организму тепло. Минуты полной концентрации воли и космической пустоты в голове в совокупности с единственным стремлением продолжать банкет.

Четыре отчаянно чавкающих гнома и страдающая специфической, неизвестной науке формой аутизма Белоснежка, объявившая голодовку. Стоя спиной к нам на расстоянии десятка шагов, Безымянная, видимо, составляла в голове топографический план местности исходя из своих загадочных соображений. Я всё ждал минуты, когда она надменно прострёт вперёд перст и властно, с полной убедительностью на которую способны только душевнобольные, не без искренней веры в собственные слова, заявит: «Жалкие людишки, теперь эта планета принадлежит мне!»

Тёплая погода вместе с лёгким южным ветерком манила отправиться в ночную авантюру. Безоблачное небо, полное блёклых из-за света городских огней звёзд, настраивало на романтический лад. Почти повсеместно потухшие окна уродливых однотипных домов скрытно наблюдали за событиями на занятой одними нами парковке. Всё прилегающее к ночной импровизированной сцене не обнаруживало высокой плотности зрителей и актёров на эпизодические роли, что вселяло веру в собственное могущество. Редущая вереница быстро отъезжающих от места синтеза каучуковой пищи машин, изредка проносящиеся по соседней магистрали запоздалые путешественники да тут же скрывавшиеся в сумраке окрестных подворотен спешащие домой жители.

– А давайте поедem в клуб, – не отрывая подбородка от груди, озвучил наболевший вопрос Альбатрос Мутант.

Все перевели взгляд на вдруг заговорившую сверхпоследовательную вычислительную машину с мощностями суперкомпьютера. Мужская часть коллектива балансировала между горячим согласием и острым сомнением, как готовый сорваться то в одну, то в другую сторону канатоходец.

В клуб хотели все, этого никто не отрицал, но попасть туда с Альбатросом было делом нелёгким. Объяснить это можно, проведя аналогию с парадоксом Ахиллеса и черепахи. Альбатрос постоянно стремился куда-нибудь, однако, достигнуть конечной цели при безусловном её приближении всё никак не мог. В самый последний момент цель ускользала от незадачливого любителя ночной жизни.

Обладая сие птица умом тривиальным, а не возвышенным и утончённым, причина открылась бы моментально. Последняя попытка Альбатроса проникнуть на желаемую территорию вызвала культурный шок не только у персонала заведения, но и у выдавшего виды Кобелька, пытавшегося по своей душевной доброте способствовать пересечению границы.

Совокупность отдельных мелких деталей в образе потенциального посетителя складывалась в отталкивающее зрелище. Мешковатая неопрятная одежда совсем не выгодно облачала упавшие хиленькие плечи только что вылупившегося птенца. Не поддающаяся оценке презентабельность впавшей грудной клетки, очаровывающие босоножки, водружённые на сомнительного вида носки. Растрёпанные, хоть и короткие волосы, по которым прошёлся неопишущей силы ураган, навевали воспоминания об одичавшем Маугли. Левую руку Альбатроса вместо аксессуаров украшал дешёвый пакет из какого-то продуктового магазина. Из глубин этого бесформенного пакета вырывался отчётливо уловимый предательский звон стеклотары. В правой руке Альбатрос, заблаговременно откупорив бутылку, сжимал типичного представителя той самой стеклотары.

Нынче скрещенные руки Альбатроса, совершенно свободные от всякого груза, гордо покоились на груди. Это несколько успокаивало, но окончательно не убеждало в благополучном исходе дела.

– Я тоже хочу в клуб. – Наши сомнения, уступив место жгучему любопытству, развеялись без следа вместе с произнесёнными словами. Их автором стала Безымянная.

В Безымянной произошла очередная перемена, характерная для актёров даже не второстепенных, а третьестепенных ролей, играющих, положим, на детском утреннике в первом акте ёлочку, а во втором заборчик. То есть она была очевидной и одновременно максимально коварной, а главное совершенно неожиданной.

Выбор увеселительного заведения происходил в форме дебатов уже непосредственно в машине. Альбатрос и Скот единодушно настаивали на посещении какой-то типовой сельской дискотеки, в то время как Кобелёк и я, осознавая неповторимое величие момента, настаивали на более тщательном выборе пункта назначения. Голос Безымянной явился решающим.

На пути к месту, где стоимость кофе равнялась половине месячного дохода львиной доли народонаселения приходилось часто останавливаться и ждать, пока очередная вылазка Кобелька завершится. Вылезал он с двумя целями: к прельщавшему его свету открытых круглосуточно палаток и магазинчиков или скрывался в ночном сумраке за ближайшим домом, ныряя во тьму растительности.

О своём бодром расположении духа мы повествовали миру через необычайно громко играющую музыку, сопровождаемую нашими песнопениями. Чем ближе мы подъезжали к финишу, тем более сосредоточенной становилась Безымянная. Думаю, к реальному миру эта сосредоточенность не имела никакого отношения. На роскошном автотранспорте Скота мы не стали подъезжать напрямик к клубу, а потом вываливаться во внешний мир через неудобные двери, триумфально кряхтя.

Парковка прошла в штатном режиме. Как-то совершенно незаметно для всех Безымянная первая юркнула вон из машины. За те мгновения, которые она не присутствовала в поле зрения кого бы то ни было из нас, надетое на ней таинственным образом в который раз переменилось. Преображение было вопиющим настолько, что даже стоически борющийся с икотой Кобелёк почувствовал неладное и попытался сфокусировать затуманенный взор. Всякое произвольное движение диафрагмы заставляло его начинать труд с нуля.

Из меня так и лез какой-нибудь едкий комментарий по этому поводу. Мне было забавно наблюдать за реакцией друзей наконец-то заметивших определённые странности в поведении спутницы.

Несколько мгновений спустя я молча направился в нужную сторону, не удивляясь тому, что Безымянная последовала за мной, оставляя большую часть компании в крайней степени недоумения и задумчивости.

Безымянная шла сбоку, подле меня. Такое соседство производило очень неоднозначное впечатление. Я определённо чувствовал рядом с собой нечто чужеродное человеческому разуму. Гигантскую, неведомую силу, внушающую скорее суеверный трепет, нежели научный интерес. Будто вот-вот соприкоснёшься с чем-то недостижимым, а потому особенно жутким и захватывающим. Будто ты силишься пересечь горизонт событий чёрной дыры или наблюдаешь гибель звёздной системы из-за гравитационного коллапса солнца.

Незримая сила, источаемая самим её существом, была чудовищна, но, по непостижимой причине, не опасна. Обычному человеку, вроде меня, она виделась безграничной. Каким-то образом я знал, что фокусы с мгновенным переодеванием – это такая безделица, на которую не стоит обращать внимания вовсе. Я терпеливо ждал чего-то действительно потрясающего – грандиозного зрелища, не виданного доселе ни одним смертным.

Пожалуй, я в очередной раз упомяну, что очень ценю свой душевный покой, а посему не делал абсолютно никаких попыток понять, что происходит. Мне хватило мудрости уразуметь заведомый провал, за который в самом лучшем случае я расплачусь своей жизнью.

Едва видимое свечение глаз Безымянной я наблюдал замороженно и тайком. Подол надетой на неё чёрной юбки доходил до самой земли. Исполински тяжёлая на вид ткань не издавала совершенно никаких звуков, как будто её не существовало в известном нам мире. Она обладала каким-то не известным человеческой науке полем, ибо низ юбки точным образом повторял рельеф поверхности, заполняя беспросветной тьмой всякую неровность. Эффектнее всего это смотрелось при подъёме или спуске с лестницы, когда одна сторона укорачивалась или удлинялась сама собой, без образования складок, не создавая необходимости приподнимать ткань, чтобы не наступить на неё ненароком.

Не производя совершенно никакого шелеста, тьма, окутывавшая нижнюю часть тела Безымянной, равномерно колыхалась в такт походке. Моя спутница, надо сказать, вообще двигалась невообразимо пластично и женственно. В её жестах и поведении не было и намёка на тайную экстраординарность.

С левой стороны юбки, не обнаруживавшей наличия швов, пуговиц или молний, спереди на уровне бедра располагалась ещё одна загадка. Там медленно переливались различными оттенками золотого цвета непонятные символы. Я простодушно нарёк бы их сказочной помесью античного орнамента с иероглифической письменностью.

Верхнюю часть тела Безымянная облачила в обыкновенную чёрную майку, почти сливавшуюся с юбкой, но всё же без видимых сверхъестественных свойств. Распущенные волосы прикрывали обнажённые плечи, ниспадая до середины спины. Не прибегая к паранормальным способностям, несколько позже Безымянная собрала их в хвост, а затем и вовсе сотворила на голове причудливый пучок, из которого во все стороны торчали, как иглы ежа, заколки.

Загадочная личность, находившаяся на расстоянии вытянутой руки, сосредоточила на себе всё моё внимание. Рядом с нами сновали многочисленные компании молодёжи. В иное время я бы поглядывал украдкой на заманчивые одеяния цокающих каблуками девушек, стараясь, конечно, не слушать их громогласных лошадиных выкриков. Из-за преобладания в речи прекрасных Елен нецензурной брани воображение рисовало картину шпаловкладчиц, орудующих пудовыми кувалдами, во время обеденного перерыва.

Конечно, у клуба была очередь. Безымянная вырвалась вперёд, не снижая скорости, врезалась в неё с отрешённым безразличием стенобитного орудия. Безымянная не вела себя невежливо и вовсе никого не расталкивала. Люди сами рассыпались в разные стороны, увлекаемые чертовской силой. Недовольных возгласов слышно не было.

Беззастенчивому продвижению попыталась воспрепятствовать охарана, стоящая на входе. В своём новом образе Безымянная походила на выходящего на арену бойца, готового не просто победить, а демонстрирующего всем своим видом намерение сожрать оппонента живьём, толком его не пережёвывая.

Характерные для профессии сторожа и вышибалы нахальная самоуверенность, а также надменный взгляд на мир улетучились без следа. Мясные шарики напрягали все свои зачатки извилин, соображая, зачем же они всё-таки встряли в дело, которое им совсем не по зубам.

– Клуб открыт, – твёрдым голосом военного диктатора монотонно повелевала Безымянная, исподлобья посмотрев сквозь преградивших ей дорогу.

Весьма разумно предположив, что за несогласие с режимом скорее всего полагается смертная казнь, ей освободили путь, уже не делая попыток воспрепятствовать культурно-массовому походу кого бы то ни было из нашей компании.

Напряжение, нараставшее в геометрической прогрессии с момента выхода из машины, преследовавшее каждого участника экспедиции, родословная которого имела явное земное происхождение, начало спадать, стоило только пересечь порог клуба.

Кобелёк и Скот ринулись напрямик на танцпол, Альбатрос отправился что-то приобретать, Безымянная бродила по толпе глазами со скрупулёзностью проводящего инспекцию по тайному доносу. Я попросту не находил себе места.

Мало кто из присутствующих действительно умел танцевать, но определённо только мне это мешало наслаждаться жизнью. Симпатии к горячительным напиткам я не испытывал. Рокот музыки пресекал попытки вести нормальную человеческую беседу. Толпы снующих туда-сюда муравьёв, норовящих пихнуть друг друга под благовидным предлогом, злили.

Быстро изучив интерьер и внешние данные танцовщиц, я потерял всякий интерес к ночному мероприятию. Найдя первый не лишённым толики очарования, а вторых не обделёнными изящными формами, я начал скучать. Время нахождения в данном закрытом помещении составляло от силы минут десять, а список возможных увеселений уже подошёл к концу.

Тут мне на глаза попала Безымянная. Со стороны было отчётливо видно, с какой лёгкостью она приковывала к себе взгляды окружающих. Впрочем, её это не заботило. Оказав содействие Альбатросу в покупке желаемого, она присоединилась к танцевавшим Скоту и Кобельку.

После первых же па стало совершенно ясно, что так или иначе всё внимание публики рано или поздно будет сконцентрировано на Безымянной.

То, что присутствующая сильная половина человечества наперебой по глупости ринется охмурять танцовщицу, было очевидно. Я готов был поставить свою голову на то, что в планы Безымянной не входило охмуряться. Следом за первым предположением в голове загорелась довольно здравая идея: убраться куда подальше, пока дело не дошло до отделения конечностей от тела. Сомнений в возможностях Безымянной у меня больше не было.

Я только думал, свернёт ли она шеи всем разом или будет отрывать руки и ноги в порядке живой очереди.

– Уже уходишь? – Безымянная неожиданно возникла передо мной, когда я ретировался в сторону выхода по-английски, ни с кем не попрощавшись.

– Да, мне стало скучно, – искренне ответил я, – ты потрясающе танцуешь, Безымянная.

Почему-то она ничего не ответила. Мы молча смотрели друг другу в глаза какое-то время. Всегда ненавидел эту игру.

– Проследишь за оставшейся троицей? – спросил я наконец.

Безымянная молча кивнула и растворилась в толпе. Я, конечно, мог поинтересоваться, не желает ли она отправиться со мной, обрушить массу мелких бытовых вопросов, но не видел в этом никакого смысла.

Поездка на такси до дома по ночному городу была быстрой. После гигиенических процедур я упал в объятия своего ложа, а дальше – пустота.

Утром, продрав глаза, я насторожился. В квартире царила тишина, но обольщаться на этот счёт было всё-таки рано. Я имел помятый вид, как всякий только что проснувшийся человек. Надев первое под руку попавшееся, что не способствовало облагораживанию внешности, неровным шагом я поплёлся на кухню.

– Доброе утро, Безымянная, – прозвучало как ни в чём не бывало моё бодрое приветствие.

– Доброе утро, – ответило сидящее на подоконнике спиной к окну существо с распущенными волосами, в домашних тапочках и пижаме.

– Кобелёк пережил эту ночь? – тут же был озвучен новый вопрос.

– Были опасения в его неспособности сделать это?

– Да, вчера я попросил тебя проследить за троицей, но забыл подчеркнуть необходимость сохранить им хотя бы признаки жизни.

– Тогда почему ты спрашиваешь только про одного?

– Кобелёк ещё до клуба был нетрезв, а значит приставал к окружающим и не в последнюю очередь к тебе. Я понимаю, что уладить это недоразумение не составит для тебя труда, а только интересуюсь, выжил ли он. Двое других в этом отношении абсолютно безопасны, и за них я не беспокоюсь. Филантропией я не маюсь, а значит, на судьбу остальных, присутствовавших вчера, мне наплевать, даже если ты жестоко пытала их перед тем, как сожрать живьём.

– Он выжил, – лаконично ответила Безымянная.

– Превосходно! – мои ладоши громко хлопнули друг о друга. – Скажи, Альбатрос не тыкал в твоё плечо указательным пальцем?

– Нет, – не без удивления ответила Безымянная, – у него наблюдается такая тенденция?

– Он так выражает заинтересованность, граничащую с сильной симпатией и крайним возбуждением, – невыразимо сладостно, а оттого чрезвычайно ядовито пояснил я, гаденько улыбаясь.

Титанический груз хранителя тайн потустороннего мира на мгновение спал с плеч Безымянной. Её лицо вдруг озарила искренняя улыбка необычайной красоты, в которую, уверяю, не было возможности не влюбиться. Лик Безымянной ещё долго хранил черты пережитой эмоции, как ни старалась она придать себе прежнюю строгость.

– Хочешь что-нибудь ещё спросить?

– Да, – сказал я, – завтракать будешь?

Именно её хладнокровный утвердительный кивок ударом гильотины беспощадно казнил мой сложившийся уклад. Маленькое событие явилось большим взрывом, из которого впоследствии появляется – ни больше ни меньше – новая вселенная.

Возврат к старому для меня был невозможен, потому что когда ваша жизнь начинает интенсивно переливаться всеми цветами радуги и каждую секунду кардинально меняется сама собой (процесс, надо сказать, которым вы не в состоянии управлять), то вас вряд ли съест тоска по какому-нибудь домику в захолустье. Во всяком случае желание узнать, чем же закончится дело, у любого нормального человека будет явно довлеть над всем остальным.

Некто в пижаме и домашних тапочках, безропотно готовый на завтрак уплести любое предлагаемое кушанье, как-то сразу располагает к себе. Тем паче, если этот некто отличного от вас пола и, коли осторожничать в выражениях, весьма недурен собой, хотя, безусловно, это дело вкуса.

Напрямую связанная с Безымянной чертовщина манила и ужасала меня в равной степени. Завтракали мы всегда вместе, но я по-прежнему не понимал, каким способом Безымянная проникает в квартиру. И с этим, заявляю это со всей ответственностью, я изыскал возможность мириться. Однако мириться с непониманием способа, которым она упомянутую квартиру покидала, было куда сложнее.

За завтраком мы увлекались интеллектуальной баталией, высмеивая те или иные особенности друг друга. Я остро язвил по поводу её манеры исчезать и появляться, выскакивая из-за угла. Она никогда не обижалась на выпады с моей стороны, но и никак их не комментировала.

После завтрака Безымянная нередко пропадала. Я счёл возможным предположить наличие некой «работы». Вечером она появлялась, но всегда в разное время, будто используемый ею транспорт тоже мог проторчать в какой-нибудь пробке. Мы ужинали, потом каждый занимался своими делами.

Поначалу «дела» Безымянной приводили меня к психологическим опытам над самим собой по созданию коктейля из дикого животного ужаса и небывалой степени раздражения. В лучшем случае я просто чувствовал себя некомфортно из-за её привычки сохранять избыточную мобильность, во время тектонических процессов в коре её головного мозга, ну, примерно как у оборудования весом в пару сотен тонн. Она часами смотрела в окно или, что было совсем дико, в какую-то одну точку внутри комнаты. Я же мучительно боролся с желанием запустить в неё тяжёлым предметом, как в какое-нибудь застывшее на потолке насекомое, дабы проверить, не умерло ли оно, а в случае отрицательного заключения по предыдущему вопросу, мгновенно это исправить.

Каждый новый день подогревал стремление проникнуть за грандиозный, манивший своей недостижимостью занавес, скрывавший тайну Безымянной. Мои попытки поддаться этому были скорее комичными и ни к чему хорошему не приводили. Разве что я открывал для себя очередную деталь, недвусмысленно намекавшую на внеземное происхождение моего компаньона.

За последующие несколько месяцев ничего достойного подробного описания не случилось. Я незаметно перевёл сожительницу из разряда абстрактных вещей в категорию вполне материальных, имеющих конкретное назначение объектов, то есть упразднил слишком громоздкое слово «безымянная», заменив его на более короткое и удобное «ящик».

Ящик был загадочен, прямо как ящик Пандоры, малогабаритен, прост в обращении, неприхотлив. Он всегда был бдителен, ибо я никогда не видел его спящим. Я так и не узнал, где он хранит все свои вещи. Уйдя утром в одной одежде, Ящик появлялся вечером совсем в другой, а утром следующего дня оказывался уже в третьей. Ящик избегал ванной, то есть не признавал существование этой комнаты, игнорировал её. Я никогда не видел, как Ящик надевал на себя или снимал с себя хотя бы ничтожный элемент, например серьги или другое украшение.

Всё это не укладывалось у меня в голове. Несколько дней я напрягал извилины, после чего окончательно решился пуститься во все тяжкие. В бытовых условиях, обнару-

жив в своей квартире неизвестный науке вид организма, логично будет взять самый длинный предмет, им наверняка будет швабра, и с опаской ткнуть им в источник беспокойства. Организм можно попробовать изловить для опытов в лабораторных условиях, усыпить или обездвигить, на худой конец, просто прибить.

Ловить Безымянную в сеть со шваброй наперевес? Пытаться подсыпать ей что-нибудь в еду? Постараться оглушить её фамильной чугунной сковородкой? И как мне вообще такое в голову могло прийти?!

– Безымянная, дай сюда руку, – сказал я как-то за завтраком.

– Зачем?

– Ну как же, сперва просто потрогать, потом уколоть вилкой, посмотреть на результат. Впрочем, чего греха таить, хочу тебя обнюхать, так как по моим прикидкам ты должна страшно вонять.

«Или всё-таки лучше было оглушить сковородкой?» – тут же подумал я про себя.

– Боюсь, у меня нет никакой возможности отказаться от такой галантной просьбы, – Безымянная покорно протянула мне руку.

Ладонь оказалась раза в полтора меньше моей, да и по всем остальным признакам конечность Ящика соответствовала тому, что принято называть изящной женской лапкой. Использовать вилку я не решился. Долго обнюхивать собеседницу тоже не пришлось. Она, как и воздух сам по себе, не пахла абсолютно ничем.

Следующим этапом исследований явилось незатейливое, но весьма занятное открытие. Когда я любовался лоснящейся копной густых волос Безымянной, то осознал затруднительность обнаружения отдельных её элементов. Волосы у Безымянной не выпадали, да она никогда их и не расчёсывала, во всяком случае при мне.

Не встретив никакого сопротивления попыткам во имя науки лишить её нескольких волосков, я столкнулся с непреодолимыми трудностями при сохранении чужеродного генетического материала. Он неизменно испарялся как по волшебству, стоило только отвлечься от него хотя бы на секунду.

Последней каплей, наполнившей чашу моей паранойи до краёв, стал факт несостоятельности идеи применения Безымянной как нагревательного элемента. Температура любой поверхности, с которой она вступала в контакт, оставалась неизменной. Опыты с градусником поставили меня в тупик.

– Ха-ха-ха, очень смешно, паясничать, я вижу, ты умеешь, – расстроено ворчал я, переводя взгляд с гримасничавшей Безымянной на градусник, показывавший тридцать шесть и шесть.

Цепляясь за соломинку, я делал попытки обрести успокоение в одном из своих любимых занятий – чтении. Характер читаемого, как и всё в моей жизни, за последнее время коренным образом преобразился.

Бесконечная череда стихийных рейдов на все типы книгохранилищ и вместилищ данных, поиски нужного материала везде, где только возможно было раздобыть необходимое, привели к заметному расширению домашней библиотеки. Вполне благопристойные классические произведения стали соседствовать с порой весьма сомнительного содержания книжонками.

Мутная пелена мира паранормальных явлений окутывала меня постепенно. Медицина спасовала перед феноменом Безымянной. Описанные в «Современных достоверных случаях бытовой массовой истерии из-за спонтанной электролитической диссоциации кухонных плит, а также в связи с утечкой хладагента, наряду с исключительными случаями проявления побочных эффектов от отравления бытовым газомЪ» происшествия меня позабавили, но ничего общего со сложившимися обстоятельствами не имели. Открыв какую-то книгу по психиатрии, я поначалу мало что понял. За последующие полторы недели кустарным

методом с её помощью я диагностировал у себя многое, о чём ещё недавно не мыслил. Никакой пользы, да и вреда тоже такое чтение не принесло.

Следующий, изучаемый без особого энтузиазма раздел имел прямое отношение к религии. Как и всё с ней связанное, он имел расплывчатые границы, мутные формулировки, отсутствие единства взглядов на простые повседневные вещи, а уж тем более не способность оказать даже незначительную помощь в исследовании.

Устойчиво безразличное отношение Безымянной к религиозным конфессиям, их символике и любым сопутствующим принадлежностям не делало возможным объявить её, скажем, суккубом. Хотя Безымянная и обладала выразительной внешностью, молодостью, являлась преимущественно под вечер, нельзя назвать такую формулировку иначе, как притянутой за уши. Спалось мне всегда отменно: ни кошмары, ни вообще какие-то другие сны мне не досаждали. Характерного тлетворного влияния вполне определённого свойства на свой мужской организм я не испытывал.

Как-то утром я попробовал шутки ради облить её из бутылки святой водой, подаренной мне заботливой бабушкой, видимо, как раз для таких случаев. Распевая при этом «Изыди сатана на-на на-на на-на...», я торжественно опрокинул на её голову добрую половину двухлитровой ёмкости. Окропление заворожило меня гораздо сильнее, чем я ожидал.

Безымянная быстро опомнилась, откуда ни возьмись у неё в руках тоже появилась бутылка с водой. За десять минут неравного боя, так как вода у Безымянной почему-то не заканчивалась, мы залили всю квартиру. Особо отмечу, что ванная не спасла меня от вражеского гнева. В какой-то момент я схватил кастрюлю и стал, набирая в неё воду, поливать соперницу.

Бой прекратился, когда сработала невидимая пожарная сигнализация и с потолка на наши головы обрушился настоящий тропический ливень. Несколько мгновений мы враждебно косились друг на друга.

– Хватит, выключай дождь, так невесело, – первым опомнился я.

Падающие из ниоткуда струи воды мгновенно прекратились. Безымянная при этом, насторожившись, застыла.

– У нас проблемы?

– Не знаю, – чуть заметно отрицательно покачала головой Безымянная.

– Гм.

Следы затяжных водных сражений бесследно улетучились, стоило мне на секунду отвернуться.

– М-м-м, а мою одежду так же высушить нельзя? Уж больно переодеваться не хочется, – вызывающий комментарий сам собой слетел у меня с губ.

Мой мозг не успел ещё поставить точку в сказанном предложении, а надетое на мне уже высохло. Я посмотрел на валявшуюся на полу пустую пластиковую бутылку, перевёл взгляд на кастрюлю у себя в руках, помолчал секунды три.

– Какие ещё функции у тебя есть?

Последние надежды на существующее рациональное объяснение происходящего разбились вдребезги.

Официальная наука не подтверждала наличие разумной жизни где-то вне нашей планеты, наряду с этим она отнюдь не опровергала возможность такой жизни. Что там бесконечный космос, сама наша планета содержит в себе огромное количество так никем и не решённых загадок. Накопать вменяемые сведения на тему внеземной жизни оказалось ожидаемо тупиковым занятием. Всё, что так или иначе попадалось мне на глаза, в общем, делилось на две категории. Первая получилась не такой объёмной, как хотелось бы, она состояла из сухо задокументированных достоверных случаев наблюдения за чем-то необычным.

Вторая распласталась в информационном поле гигантской аляповатой медузой. Её хотелось изловить, выбросить на берег и безжалостно сжечь на солнце. Медуза вмещала неиссякаемую подборку весьма сомнительных близких контактов. Одной из сторон таких контактов выступали не только гипотетические существа с далёких планет, но и представители параллельных вселенных.

«... Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар Кастаньеда и Монтеро – кроткий приходской священник, который в свои девяносто четыре года трижды видел дьявола...» Серьёзную конкуренцию такому литературному персонажу составлял вполне реально существующий автор одной забавной книжонки. Дьявол не удостоил его своим визитом ни разу, зато двукратно посещали очаровательные серые гуманоиды. Во время продолжительных душевных бесед за кухонным столом они в довольно лстивой форме открыли истинную картину мироздания. С дозволения инопланетян, улыбающихся при этом как Голубой Воришка, (персонаж Олега Табакова в экранизации «12 Стульев») автор объявил себя реинкарнацией ни больше ни меньше самого Циолковского. Дальнейшие откровения новоявленного светила науки вгоняли меня в ступор. Заскорузлый учёный мир не спешил принимать подробные трактаты об Атлантиде, Гиперборее, Лемурии, основанные на том, что древние египтяне были гермафродитами. Я искренне сожалел, что реинкарнация Циолковского не удосужилась ознакомиться с творчеством Говарда Лавкрафта. Я с удовольствием почитал бы про традиционный уклад жизни обитателей Плато Ленг.

Довольно интересные знания я почерпнул, увлечённо штудировав труды, проливающие свет на мало изученные явления, встречаемые относительно часто, но не афишируемые. На статном всесильном теле современной науки они высказывались уродливыми бородавками.

– Что читаешь в этот раз? – спросила меня Безымянная как-то вечером.

– Твою биографию, – не отрывая глаз от страниц книги с характерным названием «Призраки и полтергейсты», ответил я.

Шутки шутками, а кто бы мог подумать, что у Безымянной много общего с полтергейстом? Всё почти сходилось. Источником полтергейста всегда был человек – носитель. Полтергейсту предшествовало какое-то событие, запускавшее его. Психологическая травма, в частности. А как иначе назвать тот период времени, когда я вынужденно прожил без ноутбука несколько месяцев? При полтергейсте нередко были материализации привидений.

В момент прочтения этого я, помнится, перевёл взгляд на Безымянную и с прищуром посмотрел на её новый, сменившийся буквально минуту назад наряд. Полтергейст проявлялся преимущественно ближе к вечеру или по ночам. При нём нередко случаи обрызгивания невесты откуда взявшейся водой. Он зачастую следовал за своим носителем буквально по пятам. Считывая информацию с собеседника, Безымянная прельщала его своими ответами, говоря попросту то, что тому хотелось бы слышать. Перечень гипотетических сходств на этом иссякал. Различий всё же было гораздо больше.

С первых дней своего стремительного появления Безымянная вела активную светскую жизнь. Основным побочным эффектом её старания всячески очеловечиться было активное вовлечение меня в сей процесс. К вящему ужасу, Безымянная не избегала чьего бы то ни было общества, а, наоборот, притягивала к себе людей, будто магнитом. Вышеупомянутые действующие лица нередко собирались у меня на посиделки. С тех пор как нашу мужскую компанию разбавила Безымянная, гости стали бывать у меня практически ежедневно. Моя квартира обернулась каким-то притоном, концентрировавшим в себе человеческое разгильдяйство и страсть к развесёлому образу жизни. Накопившееся в ней за день выплёскивалось вечером на улицы города, почти как помои в средневековье, которые лили из окон прямо на головы случайных прохожих. Я потерял счёт всякого рода заведений, в которых мы побывали.

Безымянная никогда не отказывалась от еды или питья. По моим наблюдениям поглощение земных продуктов следовало из необходимости поддерживать подобие маскировки, а не из эволюционно обусловленной физиологической потребности. Что-то она оценивала как более вкусное, а что-то нравилось ей меньше, но в целом Безымянная была всегда готова пожрать абсолютно всё. Пожалуй, сладкое вызывало в ней энтузиазма больше, чем всё остальное. Вливая в себя напитки в любой пропорции и последовательности, Безымянная никогда не пьянела.

На следующий день после памятного посещения кинотеатра и ночного клуба, когда вся компания вновь собралась у меня дома, гостя за считанные минуты нашла общий язык с каждым участником событий в отдельности. Помню, я тогда особенно насторожился. Сидя таким образом, чтобы иметь возможность видеть каждого без помех, я чувствовал себя наблюдателем грандиозного социального эксперимента, но никак не мог понять его сути. Впоследствии индивидуальный подход ко всякому, удостоенному общества Безымянной, только развивался. Кстати, другим она представлялась Шейлой.

Через несколько дней неизвестно откуда взявшееся существо стало изучать мою библиотеку, а ещё через какое-то время помогать мне с домашними хлопотами. Её можно было отправить на добывание пищи, при этом я всегда снабжал её необходимым количеством разноцветных фантиков, имеющих высокое значение в человеческом мире. Механически приняв от меня клочки бумаги, Безымянная всегда хладнокровно возвращала их назад вместе с горой припасов. Она явно относилась к этому, как к какому-то священному ритуалу, интерпретация коего вызывала у неё затруднение.

Я никогда не видел начала или середины того или иного её общественно полезного действия. Они просто случались. Не знаю, наверное, в её мире полагается смертная казнь, если тебя застукают со шваброй в руках, или моющим посуду, или готовящим еду, или вытирающим пыль.

Моя жизнь дьявольски упростилась. С бесконечным источником золотовалютного запаса Земли, персональным телохранителем, собеседником и компаньоном приходилось расставаться всё реже и реже. Услугами джина я старался не пользоваться, исключение составляли случаи, когда джин сам проявлял инициативу.

В том мире, где постоянно витала Безымянная, явно не всё было спокойно. И со временем я начал видеть это довольно отчётливо. За непрекращающимся щебетанием на фоне декораций ночной жизни пряталась нечеловеческая сосредоточенность и серьёзность.

Совершаемые ею действия не приносили какого-то желаемого результата. На разработку новой стратегии Безымянная тратила все, имевшиеся у неё ресурсы и время. Мне часто доводилось быть свидетелем обдумывания чего-то. Приступы пиковой мозговой активности постепенно учащались. При мне она не стеснялась впадать в своё особое состояние задумчивости, признаков коего я не замечал вне домашней обстановки или при посторонних, даже моих друзьях.

Безымянная продолжала класть на обе лопатки Скота Томаса его же собственным оружием. С её чувственных губ сходили такие отвратительные шутки, что аппетит без преувеличения у всех портился на несколько часов. Сверхспособности демонстрировались Безымянной регулярно, но аккуратно. Благодаря ним Скот Томас наконец научился нормально водить машину.

И без того бесконечно создававший аварийноопасные ситуации на дороге стиль вождения усугубился желанием произвести впечатление на новую знакомую. Подействовало ли игнорирование Скотом всеобщих протестов, но Безымянная в итоге попросила притормозить. Энергично выскочив из машины, она обогнула её спереди. За это время неизвестная сила выволокла меня Кобелька и Альбатроса из салона на обочину. С не меньшей энергией Безымянная водрузила водителя, извлечённого одной рукой за шкурку, как только что

забранный из химчистки костюм, на пассажирское сидение. Бросив остолбеневшим у обочины друзьям жертвы: «Ждите здесь», – она села за руль, и машина мгновенно исчезла из виду, набирая скорость реактивного самолёта, нарушающего все мыслимые и немыслимые законы физики.

Примерно через десять минут автотранспортное средство вальяжно припарковалось на месте старта. Позеленевший Скот Томас, с полными животного ужаса, ничего не видящими, стеклянными глазами, в истерике пытался освободиться от правой руки Безымянной, использованной одновременно в качестве пресса, вдавившего пассажира в сидение, и в качестве кляпа, полностью перекрывавшего дыхание, не дававшего испачкать салон.

Дверь сама собой плавно отворилась. Безымянная за долю секунды оторвала пассажира от сидения, развернула лицом к нам, давая возможность бегло посмотреть на тыльную сторону сдавившей лицо Скота ладони, и вытолкнула его вон. Увлекаемый сильным импульсом, Скот сделал примерно полтора шага навстречу стоявшей на обочине троичи, заботливо расступившейся в стороны от греха подальше. В этот момент импульс иссяк, и шагавший плюхнулся на землю, уткнувшись лицом в выскочивший откуда ни возьмись пакет как раз для таких случаев.

На фоне характерных звуков Безымянная вышла из машины, по старой традиции решительно скрестила руки на груди, дожидаясь нашей реакции.

– Пинать ногами, добивать, чтобы не мучился, будем? – я вопросительно обвёл друзей взглядом.

– Нет, – кротко ответил Альбатрос Мутант.

Кобелёк ничего не ответил, а просто издал свой фирменный добродушный гомерический хохот.

– Знаешь, Безымянная, Скот на самом деле очень любит насилие над собой. С Кобельком мы обнаружили в нём эту склонность, когда однажды напоили его виски с колой, силой вставив воронку в горло, – на фоне усилившегося бу-га-га Безымянная исполнила жест под названием «ох, уж эти земляне».

Сохраняя гробовое молчание, мы преодолели остаток пути со скоростью тридцать километров в час, не нарушая ни одного правила дорожного движения. Безымянная отвернулась к стеклу и, подперев голову, закрыла рукой глаза. Видимо, она сама была не так уж довольна своим поведением. В дальнейшем этот эпизод выветрился из головы Скота, правда, по неизвестной для него самой причине водить он старался безупречно.

Маленький Инфантильный Кобелёк обрёл в лице Безымянной надёжного поставщика «торгов». Заняв столик в очередном клубе, а таковой для госты из иных миров и её свиты отыскивался всегда, она заказывала себе столько еды, что вспотевшему официанту приходилось робко осаживать её фразами вроде «извините, у нас столько нету».

Скупив процентов восемьдесят кладовой и не менее половины бара, Безымянная принималась ждать заказ со скучающим видом. Кобелёк в этот момент уже вертелся рядом на стуле, как китайская хохлатая, которую не выгуливали со вчерашнего дня.

– А вот эта? – указывал лапкой на очаровательное создание в белом платье Кобелёк.

– Нет, – отвечала собеседница, даже не бросив взгляда в указываемом направлении.

– Что, совсем никак?

Переведя пристальный взгляд своих диких, фиолетовых, светящихся в темноте глаз на Кобелька, сделав несколько глотков какого-нибудь напитка и выждав определённую паузу, Безымянная недвусмысленно намекала на смену топика:

– Нет.

– Тогда, может быть, вот та?

– Да.

– Ух, как здорово! – хлопал в ладоши от восторга Кобелёк и никак не мог определиться. – А что насчёт этой?

– Да, – мгновение подумав, ответила Безымянная, обхватывая одновременно с этим запястье Кобелька, на котором чудесным образом возникали часы.

– Я думаю, что я ближе к аду, чем когда-либо, и скоро туда попаду за пособничество твоим античеловеческим деяниям, – я провожал взором ускользающего вприпрыжку Кобелька.

– Ты веришь в ад? – ухмыльнулась Безымянная.

– Нет, но я верю в то, что каждый получает по заслугам рано или поздно. Ну что, Повелитель Мух, желаете сыграть партию в экарте, ставлю душу Скота Томаса, я сегодня великодушен. Впрочем, вас ждёт подвох, так как у него нет души. Я уверен, она имеется исключительно у существ с тонкой организацией. У примитивных созданий её быть не может. Он – дундро, существо животного царства в человеческой форме, управляемое невежеством и смотрящее только себе под ноги.

– Я не умею играть в экарте, но изъявляю желание фехтовать на рапирах.

– Какая досада, в свою очередь я не имею необходимых для такого поединка навыков.

– Тогда мы нескоро узнаем, есть ли душа у Скота Томаса, – заключила Безымянная, переключая своё внимание на что-то другое.

Желающих добиться аудиенции такой таинственной особы было хоть отбавляй. С самого первого дня на планете Земля она привораживала к себе людей толпами, плетя таким образом свои интриги. Как всякий уважающий себя полтергейст, начинающийся с вполне безобидных проявлений, вскоре она разбушевалась на полную катушку. Вокруг неё раскручивалась невидимая спираль, каждый виток которой вбирал в себя всё новые действующие лица. Сперва единицами, потом десятками. Раскусить Безымянную мне удалось, когда измерение пошло на сотни. Я, конечно, старался об этом не думать, но временами становилось довольно жутко. Потом я стыдился своих ощущений, ибо они порождались человеческим сознанием, склонным к бессмысленной рефлексии. Иногда ко мне приходил страх, начинало казаться, будто ситуация выходит из-под контроля, тогда усилием воли я отрезвлял себя сам.

Ящик своей очень чёткой цикличной последовательностью действий преследовал одну цель. Я терялся в догадках относительно мотивов этого существа, по какой-то причине решившего напаять на себя юбку, но уже ничто не могло разуверить меня в справедливости моих мыслей; Ящик стремился привлечь к себе внимание. Так поступают, если известна цель поисков и неясно конкретное местоположение искомого.

Приди на место, подай условный сигнал, а потом жди, пока с тобой свяжутся. Всё просто. Только в случае с Ящиком, видимо, произошёл какой-то сбой. Время шло, а она ни на шаг не приблизилась к своей загадочной цели. Неведомая сила, должно быть, сильно тяготела ко всякого рода ночным заведениям.

Счёт пошёл на тысячи. Я чувствовал близость развязки, хотя предпосылок к тому не имелось. В воздухе не пахло серой, к Земле не приближался огромный метеорит, а массовая доля насилия и катастроф в новостях не возросла.

Изо дня в день я наблюдал примерно одну и ту же картину. Кобелёк очень увлечённо налегал на «сладкое» и «клубнику», не замечая ничего вокруг, Безымянная заверила меня, что он не подцепит «сахарный диабет». Скот, как всегда, бредил, оставаясь в стабильно тяжёлом состоянии. А Альбатрос, скрестив крылья на груди и водрузив на них клюв, скрывался в тени молча. Внешне всё было довольно спокойно. Я же быстро умудрялся потерять всякий интерес к событиям, покидая компанию с полным осознанием тщетности попыток лицезреть какую-нибудь новую постановку.

Примерно за три недели до начала приключений мой интерес к ночным вылазкам иссяк. Это стало временем передышки, моментом переосмысления, возможностью перевести дух, набраться сил перед грандиозным следующим актом.

В один из прекрасных тёплых вечеров середины августа я вознамерился наслаждаться уединением и не ожидал никакого подвоха. Судя по виду представшей в этот момент перед моим взором Безымянной, её намерения были диаметрально противоположны. У меня на душе возникло довольно неприятное ощущение неопределённого характера, как если бы я был котом и меня кто-то постоянно подёргивал за хвост, если не сказать хуже. Именно подёргивал, а не раскручивал у себя над головой изо всей силы, словно пращу. Тут я понял, что покой и уединение не придут в мою жизнь ещё очень-очень долго.

За время знакомства с Безымянной наша четвёрка друзей привыкла к её необъяснимым переодеваниям, однако в клубах и тому подобных общественных местах она не щеголяла разнообразием, раз за разом перевоплощаясь в привычный всем образ чёрной вдовы с таинственной символикой на уровне бедра. Тем более Безымянная никогда не надевала ничего короткого или слишком открытого, наверное, скрывая под одеждой ужасные шрамы или анатомические особенности своей расы.

В тот роковой вечер мне довелось увидеть её в другом свете. Вполне обыденное начало: я сидел за ноутбуком с чашкой чая и сладостями, спасал вселенную, ну, или, как минимум, нашу галактику, а может быть, отдельную планету, а то и какое-то государство на худой конец. Краем глаза я заметил грациозно выплывающую на середину комнаты царевну-лебедь. Пристально рассматривая царевну под звуки выстрелов и кряхтения компьютерных болванчиков, я, право слово, сперва смутился. Сказочный персонаж красовался передо мной, сохраняя молчание. Во мне не было уверенности в необходимости произносить банальные комплименты, а ничего путного в голову не лезло, так что я воспринимал спонтанное дефиле как нечто, само собой разумеющееся, инстинктивно подперев при этом подбородок.

Взятые по отдельности вещи, составлявшие изысканный ансамбль, не были примечательными. Наличие их на Безымянной я бы назвал фантасмагоричным. Босоножки на каблуках, мини-юбка, топ с довольно глубоким декольте, полностью открытая спина и плечи, распущенные волосы, крупные серьги. Мне нравилось всё: блеск её губ, сияние неземных фиолетовых глаз, мягкое дружелюбное выражение лица, опять-таки не характерное для Безымянной, обворожительные ресницы и очаровательные брови.

– Великие планы на сегодняшнюю ночь? – у меня перед носом возник экран с надписью «game over».

– Что-то вроде того.

– Когда заявятся остальные, и куда ты собираешься отправиться в таком виде?

– Каком виде?

– Сногсшибательном виде, – я, возобновив игру, разmozжил голову одному из оппонентов из снайперской винтовки.

– Остальных не будет, я рассчитывала только на тебя.

– Дай подумаю минутку. – Я скрестил пальцы рук в молитвенной позе и опустил на них голову. Стало очевидно, что у Безымянной имелся определённый план, другого от неё ожидать не приходилось. Удивительно, но я даже представлял, что именно она задумала. От размышлений захватывало дух, участился пульс, организм, казалось, без видимых причин впал в состояние «бей или беги».

– Да, я составлю тебе компанию, – твёрдо, но с плохо скрываемым волнением произнёс я, поднимая глаза на Безымянную.

Не имея ни малейшего представления, зачем она хочет втянуть меня в свои дела, я сперва подумал одеться максимально броско. Позже планировалось сжечь эту одежду. И какой только бред не придёт в голову, коли она разгорячена, а не холодна.

Несколько минут ушло на анализ идеи одеть что-нибудь с капюшоном. Она была отвергнута. Во-первых, я терпеть не мог всех этих бесящихся с жиру пижонов, героически ломающих витрины магазинов или вытворяющих другие, не менее глупые вещи. Во-вторых, я очень чётко понимал – спасти меня мог только зачинщик, то есть Безымянная, в сравнении с арсеналом фокусов которой мои потуги замаскироваться ничтожны.

У меня ненадолго возникло желание обратиться к своей спутнице и попросить её наколдовать что-нибудь на этот вечер, дабы соответствовать её великолепию. Такое я счёл лишним, хотя Безымянная и исполняла то, о чём я её просил. А потом я подумал: «Собираюсь как на казнь!» – быстро схватил первые попавшиеся штаны и футболку, надел самые удобные для сверкания пятками кроссовки.

Закрывая входную дверь квартиры на ключ, я посмотрел на Безымянную. Признаки суровой сосредоточенности вновь обозначились на её лице.

– Для существа, собирающегося разнести в пух и прах половину города, у тебя слишком серьёзная мина, – мысли вращались в голове неистовым круговоротом, вытесняя друг друга наперебой. Я начинал чувствовать себя, как намазанная особой мазью Маргарита.

– И Безымянная, – мы остановились у выхода из подъезда, я посмотрел ей в глаза, сделал глубокий вдох.

– Да?

– Постараемся никого не убивать, – глубокий выдох.

– Да.

Наше пришествие в город подарило мне яркий калейдоскоп невероятных ощущений. Быть соучастником всего того, о чём в современном обществе тайком мечтает чуть ли не каждый первый, но в силу страха быть сожжённым на костре помалкивает об этом, мне, надо сказать, понравилось, хотя были приступы такого ужаса, который, надеюсь, не доведётся испытать больше никому.

Около подъезда нас уже ждала машина. Очень дорогая машина. Очень дорогая спортивная машина, вокруг которой собралось несколько зевак. Не мешкая ни секунды, я плюхнулся на единственное пассажирское сидение, а Безымянная уселась за руль.

– Подожди одну минуту, – попросил я, опять делая несколько глубоких вдохов, пытаюсь избавиться от будоражающей слабости в ногах. Сложнее, чем я думал.

– К чёрту патетические речи. Можешь сделать так, чтобы музыка играла не из колонок, а просто вокруг нас из воздуха? Всегда о таком мечтал.

– Да.

– Её будут слышать окружающие?

– Если захочешь.

– Нет, не хочу, – вспотевшими ладонками я вцепился в первый попавшийся под руку предмет, – включай.

Музыка зазвучала так громко, что я вздрогнул, невольно начав вертеть головой по сторонам. Я никогда не слышал такого чистого, всепоглощающего и всепроникающего звука. Ровного, гармоничного, на него ничто не могло повлиять. Мы смеёмся над дикарями, не знающими назначения простых бытовых предметов, но в тот момент я чувствовал себя именно таким дикарём. На восприятие музыки не влияло ничто. Я с минуту затыкал себе пальцами то одно, то другое ухо. Внезапно лишившись возможности ориентироваться во внешнем мире по звуку, я впервые познакомился с чувством дезориентации.

Мой сбитый с толку мозг запускал все законсервированные ранее производственные мощности, пытаюсь адаптироваться к новым реалиям, не вызывавшим (самое удивительное!) никакого отторжения. Своего рода звук без звуковых волн, поступающий извне напрямую в сознание, минуя при этом уши. А если нет звуковых волн, то ваши внутренности не трясутся, как желе, под их ударами, да и сами органы слуха не испытывают на себе

деструктивного воздействия. Воздух жадно заглатывался моей ротовой полостью. Тем временем машина стартовала весьма резво. Мы неслись по улицам во всю прыть, нередко по встречной полосе.

– Так не интересно, – свой голос опомнившийся дикарь с Земли слышал великолепно, и голос Безымянной, и все другие звуки тоже без препятствий вплетались в игравшую музыку, не требуя никакого напряжения, дабы их расслышать, – убирай крышу у нашего дилижанса, я хочу почувствовать себя жителем родной планеты, а не застрявшим в соседском заборе между известным и враждебным мирами при попытке кражи яблок пакостником.

Одно из любимейших дел – переключение музыкальных композиций – всецело захватило меня. Всё происходило само собой, мне стоило только воспроизвести желаемое в своих мыслях. От волнения я начал сквернословить и похлопывать себя по коленкам. Став свидетелем не укладывающегося в голове числа дорожно-транспортных происшествий, порождённых управляемым Безымянной четырёх-колёсным транспортным средством, я подумал, что настал подходящий момент проголодаться. Думы о хлебе насущном успешно вытеснили попытки совести устроить жалостливую презентацию со слайдами и видеороликами спровоцированного транспортного армагедона. Аварии носили массовый, но лёгкий характер, к моему удивлению, не причиняли никакого вреда чужому здоровью, за исключением испугов и синяков.

Бросив самоходный аппарат в какой-то подворотне, мы торжественно устремились распахивать двери всех подряд благопристойных на вид заведений под «from where I stand». Раздразнённый фамильярным обращением с собой, город силился разыскать внезапно возникший из ниоткуда и исчезнувший в никуда автомобиль, а тем паче управлявших им. Преспокойно отужинав, гонщики (Я употребляю это слово в основном применительно к Скоту Томасу, потому что он постоянно гонит, то есть врёт, выражаясь понятным языком – бредит) лениво вышли на улицы.

Вечерний променад и светская беседа сопровождались подходящим музыкальным оформлением, в котором наиболее удачно прозвучала «Oh What a Night for Dancing». Эта непринуждённая прогулка стала приятным отступлением от основной цели нашего выхода в свет. По моим прикидкам её более разрушительные, чем у поездки на машине, последствия должны были стать центральной темой новостей всего мира.

Сперва Безымянная мгновенно уничтожила стеклянное великолепие витрин, переливающихся в свете зазывающих лампочек и вывесок одной из известнейших туристических улиц города, спровоцировав панику. Я только потом додумал цепочку событий, настолько быстро всё произошло.

Под нарочито громкие звуки трескающегося стекла, сыпавшегося как из рога изобилия на прохожих со всех сторон, полностью погас искусственный свет. Напуганные люди первым делом начали разбегаться врассыпную, щедро расточая направо и налево тычки, пинки, толчки и зуботычины. Представителей технократического общества, отступающих, должно быть, исключительно из тактических соображений, не смущало тотальное отсутствие на их бесценных телах повреждений. Обдумывая, что именно больше всего напугало приматов – резко сгустившаяся тьма или внезапная чертовщина – постепенно склоняясь к сгустившейся тьме, я упустил из виду важную деталь: несущиеся сломя голову совершенно не замечали ни меня, ни Безымянную. Когда один из несчастных участников злого розыгрыша прошёл сквозь меня, я выдавил из себя только многозначительное «гм».

Плотное расписание побуждало нас продолжить путь, не дожидаясь дальнейшего развития событий. Как я вскоре узнал, конечной целью нашего разрушительного путешествия было средоточие самых известных и дорогих ночных клубов. Это место я красноречиво называл гнездилищем разврата. Оно находилось в шаговой доступности от исторического

центра города. Прежде, чем разворошить осиное гнездо сладкой ночной жизни, нам предстояло пересечь реку. Я не стал уточнять, из каких конкретно соображений Безымянной потребовалось разводить перекинутый через неё мост. Его конструкция не предусматривала подобную операцию, а посему он пришёл в полную негодность. Разведение моста происходило медленно, застигнутые на нём люди имели достаточно времени, чтобы образовать пробку, вступить друг с другом в непродолжительную яростную словесную перепалку, а вскоре спешно покинуть свои транспортные средства и броситься врассыпную.

Уничтожив за нами мост, Безымянная крепко взялась за постройки в зоне прямой видимости. Попадавшие ей под руку люди отделялись многочисленными побоями, но более серьёзной угрозы для их жизни Безымянная, по всей видимости, не представляла. Пробушевав в гнездилище разврата и его окрестностях с полчаса, фурия объявила отступление.

На обратном пути нам удалось повстречать небольшую кочующую на сверкающем стальном коне стайку воинствующих молодых людей. Насыщенные горячительными напитками, благородные кавалеры страстно возжелали обрести источник любви и ласки, сражённые наповал внеземной красотой голосовавшей у дороги девушки.

Действительно ли Безымянная пыталась поймать попутку, осталось для меня тайной, с чего всё началось, я не видел. Мы возвращались домой пешком, потому что я не изъявил желания летать или телепортироваться, или очутиться в знакомой обстановке иным противоестественным для себя способом. Путь предстоял неблизкий, зато имелось время на обдумывание и переваривание наглядного мастер-класса по постановке высокобюджетных кинематографичных сцен разрушения объектов казённой и частной собственности.

Ближе к окраинам города пробок, устроенных нами, почти не наблюдалось. Стоило мне на несколько минут оставить Безымянную без присмотра, чтобы зайти в круглосуточный магазинчик за водой, и она нашла для нас новое приключение. Любимая маска надменного равнодушия наряду с неизменно скрещёнными руками повествовали мне о многом. Увидев меня, Безымянная сделала несколько шагов навстречу, она незаметно улыбнулась и подмигнула мне, приглашая идти за ней, напоследок плотоядно ухмыльнувшись.

Смерив взглядом людей, громко высказывавших предположения о занятости моего компаньона в сфере услуг, к тому же делавших это достаточно грубо, я молча кивнул в знак согласия. Мы бок о бок торжественно проследовали в темноту ближайшей арки. Прежде, чем раствориться во тьме подворотни, Безымянная игриво поманила за собой не унимавшихся сопровождающих средним пальцем правой руки. Пилот-камикадзе не проигнорировал приглашение, под всеобщие ободряющие возгласы задал курс на сближение с неизвестным.

Недолгая кульминация сопровождалась истошными криками, сменившимися жалобным постаныванием.

Вражеская труповозка поравнялась с нами, из неё опрометчиво попытался выпрыгнуть один из обитателей. Стоило только его ноге коснуться земли, как Безымянная движением нечеловеческой силы и резкости шпилькой пробила ему стопу насквозь. Прытко убрав собственную ногу в сторону, нападавшая размашисто шмякнула дверью о несчастного. Из-за торчащих человеческих конечностей та не захлопнулась. Разъярённая фурия втокнула жертву обратно в салон, утрамбовав содержимое прямым ударом ноги.

Прихватив с собой дверь, Безымянная вскочила на капот и разбила самодельным инструментом переднее стекло вдребезги. Задние колёса беспомощно повисли в воздухе, по всем признакам на переднюю часть кузова села беременная тройней слониха, готовая вот-вот разрешиться от бремени. Я в замешательстве наблюдал за компактным объектом, на голову ниже меня ростом, (если она была без каблуков) голыми руками разносящим в клочья бронированный автомобиль марки «дубина», планомерно раскурочивая его, как ржавую консервную банку, в попытке добраться до содержимого, разве что не визжащего от ужаса.

Уверенно трансформируя чужое убежище в кабриолет, Безымянная лёгкими движениями рук выкорчёвывала засевшие внутри сорняки, небрежно отбрасывая их в сторону, словно ответственная владычица огородных грядок. Взмывавшие в воздух на приличную высоту корешки больно плюхались под действием силы притяжения преимущественно в непригодных для посадки местах. Они облюбовали козырёк близлежащего подъезда, пару деревьев, а наиболее удачливый столкнулся при наборе высоты с фонарным столбом, от чего-то не работающим, вокруг которого обвился змеёй.

Итоговый хронометраж завершившейся драмы равнялся секундам пятнадцати не более. Наступила тишина. Безымянная анализировала результат. Я меланхолично окидывал взглядом заживавшиеся в ночи окна. Разбуженные громоханием жильцы выглядели наружу, пытаясь разобрать хоть что-нибудь в густой мгле. Тут я обратил внимание на сидящую неподалёку компанию трясущихся подростков, изрядно побелевших от страха. Мне стало очень совестно за их временную способность выделяться на чёрном фоне, подобно белым медведям.

— М-да... страшная штука... этот пмс... — только и смог выдавить я, обращаясь к несчастным.

Покуда я размышлял о надобности помахать вслед убегающим платочком, которого у меня всё равно не было, Безымянная подошла к столбу со змейкой, притворявшейся мёртвой, мужественно терпевшей боль от нескольких переломов рёбер. После лёгкой встряски конструкция заходила из стороны в сторону, будто вкопанная в землю зубочистка. Карманы рептилии поспешили расстаться с содержимым. Едва не разбившийся телефон начал выказывать признаки одержимости. Витая в воздухе он сам собой отрегулировал все необходимые для съёмки параметры, сделал один единственный снимок Безымянной в полный рост, фривольно интерпретировавшей позу всех несущих возмездие во имя луны. Модель критически оценила получившийся кадр, но в целом осталась довольна собой, аккуратно (по сравнению с остальным) бросив готовый компромат на землю.

Всю оставшуюся дорогу, проделанную частью пешком, а частью на утреннем общественном транспорте, я изводил Безымянную, напевая «гоп-стоп, мы подошли из-за угла». Вопреки приподнятому настроению и взбудораженной нервной системе остаток утра я проспал как убитый.

Весь следующий день моя боевая подруга простояла подле окна, не шелухнувшись, превратив себя в сканирующее устройство. Я же добывал сведения традиционно земными способами. Безрезультатные раскопки информационного поля не выявили реальных следов вчерашней вылазки.

Попробуй тут не схватись за голову и не начни выдвигать гипотезы одну нелепее другой. Моя склонность к упрощению хода мыслей, а не к бурению глубоко залегающих твёрдых пластов подсознания, пришлась весьма кстати. Руководствуясь «Бритвой Оккама», я отсекал нелепые домыслы. Следом за достижением внутренней гармонии через признание себя сумасшедшим выстлалась прямая дорога до вывода о нежелании излечиться.

Конечно, довольно много факторов свидетельствовали в пользу иного объяснения. Их смакование потенциально позволяло убить много времени, но не позволяло и на шаг приблизиться к разгадке. Человеческому мозгу легче доказать самому себе наличие некой скрытой болезни, чем подкрепить тезис о чужеродном вмешательстве. С позиции умалишённого отсутствие образцово-показательной повальной истерии в масс-медиа по поводу невиданных доселе происшествий говорило о вопиющих возможностях заинтересованной стороны (кем или чем бы она не была) в деле заметания следов.

Не выпавшись, я собирался отправиться на боковую куда раньше заведённого обычая. Какой чёрт дёрнул меня вместо банального пожелания спокойной ночи подбросить Безымянной очередную «гениальную» идею? «Безымянная», — начал я: «не знаю, кому

ты подаёшь сигналы, но немотивированными актами хаотичного вредительства землян не проймёшь. Им нужно что-то простое и мощное, как гвоздомёт, грандиозное, вызывающее к древним инстинктам, наряду с этим неоднозначное, как анонс двадцать шестого сезона наскучившей мыльной оперы. В общем, если не надорвёшься, сотвори где-нибудь крутящийся столп света особо крупных размеров. Он может ничего не разрушать да и вовсе не двигаться с места, главное пусть будет заметным и источает из себя флюиды невежества».

Путру мне посчастливилось продрать глаза, следовательно, за ночь ничего знаменательного не случилось. Отнеся это к добрым предзнаменованиям, я всё же не спешил выскакивать из кровати, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям; бодрящие электрические импульсы гуляли вдоль позвоночника; а вот это было уже совсем не к добру.

Размеренно вдыхая и выдыхая, я не стал откладывать свидание с неизбежным. Безымянная по-хозяйски развалилась на кухне подле стола. Она исподлобья смотрела в воздух перед собой, лениво пережёвывая бутерброд. Считывающие видимую только ей картинку зрачки сфокусировались на мне. Не прекращая жевать, Безымянная пригласила разделить с ней трапезу дружелюбным мычанием и зазывным взмахом руки.

– Что смотришь? – я уселся рядом.

– Новости.

– Есть интересные?

– Посмотри сам.

Кухня за долю секунды преобразовалась в какой-то командный центр. Всюду замельтешили трансляции телевизионных каналов на всех языках. Аудиодорожки, воспроизводимые одновременно, слились в какофонию.

– Не хочу, – отмахнулся я от информационного перенасыщения, – хочу как Великий Нехочуха, сгрузи мне всё прямиком в мозг.

– Побочных эффектов не боишься? – рука с бутербродом, трагически обессилев, медленно опала на стол. Происходит такое всего в двух случаях: при смерти или высшей степени удивления.

– Меня начинают страшать, интересно. Я почему-то уверен, что проявление упомянутых побочных эффектов целиком и полностью зависит от твоего настроения, – ожидая чистосердечного признания, я отвратительно дружелюбно уставился на Безымянную.

– Не совсем так, – спустя несколько минут отрапортовал ментат, возвращаясь к бутерброду. Трудно представить объёмы данных, переворошённых ею, коль их дефрагментация в чёткую логическую цепочку заняла столько времени.

– Ну ладно, расскажи своими словами... Не надо, мне уже всё понятно, – конец первого предложения я проглотил, а второе произнёс с лёгким нажимом, сделав наотмашь брезгливый небрежный жест рукой, будто повторно отказываясь от навязчивого предложения, и замолчал от удивления.

Полагаю, самое верное утверждение с позиции сапиенса, проливающее свет на резкую мою перемену: на меня снизошло озарение. Одна из тех вещей, которые невозможно ни предугадать, ни зафиксировать ни одним прибором, они просто происходят.

Где-то глубоко внутри моего черепа, не спеша выехала в свет прожекторов сознания и с беззвучной торжественностью открылась обычного вида картонная коробочка. Вальсируя, её содержимое с лёгкостью вклинивалось в соответствующие разделы головного мозга. Почти всё, во что бы не вмешивалась Безымянная, происходило мгновенно, незаметно, я лишь старался визуализировать свершившееся, прибегая к знакомым каждому образам.

Я точно помнил, что не располагал знанием сводок новостей по всему свету за последние двадцать четыре часа. Теперь же они отчётливо засели у меня в голове. Оставалось ими воспользоваться.

Оперевшись руками о стол, закрыв лицо ладонями, я не мог поверить в правдивость новоявленных воспоминаний, в большинстве своём довольно забавных.

Ориентировочно в один час тридцать семь минут ночи в сорока двух километрах на юго-запад возникло загадочное явление, предположительно природного происхождения, своим ярким заревом поставившее на уши десятки городов по всей округе. Загадочный столп света, наблюдаемый без каких бы то ни было помех до сих пор, стал самым обсуждаемым событием, о котором из утренних выпусков новостей узнала вся страна, а благодаря видеозаписям очевидцев, заполонившим интернет, весь мир.

На этом достоверные новости заканчивались, начиналась вакханалия спекуляций и домыслов. Пока официальные представители власти не спешили делать заявлений, обитатели планеты вновь вспомнили о конце света. Скрестив монокли друг с другом, учёные раскололись на два традиционных лагеря, готовых исследовать и в упор не видящих, ничего не желающих слушать консерваторов. Многие объявили все ролики сфабрикованными, а само явление поносили на разные лады, называя кто радугой, кто лазерным шоу, а кто гейзером. Срочно приглашённые в студии на утренние выпуски программ, они с пеной у рта клеймили происходящее шарлатанством. За хитросплетением их обличительных речей следили, пожалуй, ведущие да желающие спать спокойно обыватели, ибо остальные силились прикоснуться к таинственному, равнодушных, судя по всему, было мало.

У религиозных конфессий дела обстояли, пожалуй, хуже, чем в научном мире. Враг рода человеческого преследовал благочестивых верующих нещадно, своими хитрыми кознями ссоря их между собой. Под давлением общественности патриарх скоростно объявил устроенное Безымянной знаком господним, ниспосланным свыше, предвещающим второе пришествие, и призывал всех горячо молиться. Это породило конфуз, так как вскоре выяснилось, что способных подавать пастве чудотворные знамения богов больше, чем один, и какой именно из них устроил светопредставление, достоверно установить невозможно. Не желая проигрывать религиозную гонку, высший церковный чин лично вознамерился совершить днём крестный ход. Доставить меньше чем за день в нужное место мощный божественный артефакт, однозначно закрепляющий право пользования чудом за конкретной религией, не представлялось возможным. Решили сделать упор на количество.

Так или иначе, на рассвете спецслужбы лихорадочно отделяли друг от друга прибывающих паломников, дабы накал страстей во время неизбежных теологических диспутов не вылился в беспорядки. Мало того, что разные группировки, поклоняющиеся разным богам, порывались ссориться между собой, порой внутри одной группы паломников возникал конфликт, потому что хоругвей, как и прочих атрибутов той или иной веры, на всех не хватало. Началась обыкновенная в таких ситуациях торговля символикой из-под полы. Страсти накалялись, выдвигать предположения о том, чем же всё это кончится, я не решился.

Помимо всего, непосредственно связанного с неожиданно возникшим феноменом, в мою голову попало много дополнительных сведений. Я не придавал им особого значения. Гораздо позже, под давлением новых фактов, требовавших переосмысления, я собрал из разрозненных и, казалось, не связанных между собой элементов единую картину. Посему позволю себе сделать важное отступление, без коего понимание некоторых последующих эпизодов станет затруднительным.

Эта история началась ещё в конце мая-начале июня в совершенно обычном доме, правда, имевшем не самую лучшую репутацию. Типовая постройка стояла на ничем не примечательной улице в моём городе. Одна из долго пустовавших квартира наконец-то была сдана. Хозяйка недвижимости, проживавшая совсем в другом месте, впрочем, клялась

и божилась, что вот уже несколько лет не делала никаких попыток пустить в оборот имущество, поскольку клиенты, пожив несколько месяцев, расторгли соглашения из-за несносного соседства.

Источник беспокойства условно наречём Таисией Павловной. Таисия Павловна была бдительна в не меньшей степени, нежели Ящик загадочен. Ей хватало всего нескольких недель на изобличение кого угодно в организации притона, проституции, содомии, покушении на её жизнь и самое страшное – в похищении одной из её кошек, счёт коим она, надо признаться, сама потеряла.

Ликвидность активов Таисия Павловна оценивала по возможности максимально быстрой их конвертации в кошачий корм. Самый ликвидный её актив – пенсию – мог унюхать любой несчастный. Загавив субпродуктами конвертации квартиру Таисии Павловны, десятки бездумно мяукающих кошек крепко взялись за подъезд. Главнокомандующий звериной армией сама имела подобающее в таких случаях амбре. Соседи безошибочно триангулировали её местоположение по запаху.

Необитаемая жилплощадь находилась на пятом этаже, аккуратно под штабом несносной пожилой леди. Представительница движения в защиту традиционных моральных устоев давно подозревала наличие заговора, направленного против неё. С появлением нового действующего лица подозрения переросли в уверенность. Таисия Павловна решила нанести упреждающий удар.

Сработали системы раннего оповещения – питомцы беспокоились сильнее с каждым днём. Лестничная клетка этажом ниже превратилась в непреодолимое препятствие. Беспомощно перебирая лапами, четвероногие не находили в себе сил подступить к зловещей двери ближе, чем на десять метров. К ору перепуганных братьев меньших присовокуплялась брань чекистки, выскакивавшей из засады по сигналу тревоги. Признать в ней лучшую исполнительницу роли Бабы-Яги не мешало отсутствие ступы и метлы. «Газом травите Ирроды! Ну, я вам покаж-жу! Ну, я вам устр-рою!» – ревела Баба-Яга благим матом. Пробушевав с полчаса, за это время неоднократно позвонив и постучав в дверь в надежде устроить очную ставку с засевшими внутри бандитами, Таисия Павловна удалялась к себе домой по телефону делать доклад в Лигу Выдающихся Пожилых Леди. Так я условно обозначил для себя организованную группу сочувствующих старушек из соседних подъездов.

Лига всячески одобряла проведение самого тщательного расследования, а также, выделив необходимые людские ресурсы, обустроила экстренный полевой штаб во дворе, облюбовав прилегающую к подъезду лавку. Бдительные часовые наблюдали за окнами вызывавшей беспокойство квартиры и всякой иной подозрительной активностью жильцов чуть ли не в три смены.

Чрезвычайной комиссии не удалось зафиксировать ни одного включения иллюминации на объекте пристальной слежки. Дверь в квартиру то и дело сама собой открывалась и закрывалась, правда, этого никто не видел, зато все слышали, ездили без видимой причины лифты. Однажды, заслышав звуки чьих-то размеренных, тяжёлых шагов, Таисия Павловна заняла оборонительную позицию на лестничной клетке вероятного противника. Незримый источник поступи преспокойно миновал линию Мажино, заглухнув непостижимым способом подле проклятой входной двери. «Ир-роды! Нечистую силу вздумали на меня напустить! Ну, я вам покаж-жу! Ну, я вам устр-рою! Сволочи!» – взвыла потрясённая происшествием до глубины души Таисия Павловна, угрожающе сотрясая воздух своими кулаками. Тонкая кожа, казалось, вот-вот разойдётся в разные стороны, настолько велика была сила поверхностного натяжения, подкреплённая старушечьим гневом.

Со скандалом вызвали хозяйку тайной комнаты. Тщательная инспекция лигой и прочими любопытствующими внутреннего убранства не принесла ожидаемых результатов, что ещё больше подкрепило версию о заговоре недоброжелателей. С этого дня следова-

тели-любители развернули пиар-кампанию, привлекая внимание к возникшей проблеме всех возможных инстанций.

Это привело к тому, что популярная программа «Титаны Парапсихологии» несколько выпусков целиком посвятила фантасмагориям чудившей постройки. Запуская медиумов в подъезд то по одному, то парами, а потом квартетами, надеялись сбить с толку приведение. Аппаратура постоянно барахлила. Адскими муками закончились попытки заснять материал в эпицентре логова фантома, не оценившего по достоинству стараний вторгнуться в свою загробную жизнь. Техника горела сама собой до той поры, покуда один из участников испытаний не высказал идею устроить сеанс столоверчения, чтобы вступить в контакт с духом.

Эпопее налаживания телепатических мостов с потусторонним миром телепередача посвятила отдельный эпизод. Произведшее незаконный самозахват существо постоянно капризничало. Обозначив своё присутствие условленным числом стуков, а также при помощи падавших прямиком на стол с потолка записок, что удалось заснять, квазиразум наотрез отказывался от дальнейших переговоров, мотивируя своё решения неблагоприятно обставившей обстановкой. На вопрос о возможности возобновления диалога в другом месте был дан утвердительный ответ, но с оговоркой, чтобы никто из участников сеанса не отрывал рук от стола при его транспортировке. Если такое по какой-то причине происходило, дух неистовствовал.

Гоняя обладателей обострённого шестого чувства с кухонным столом в руках по всему подъезду вверх и вниз, привидение беззастенчиво потешалось над ними, играя в горячехолодно. Крамольные попытки бросить переговоры карались ударами невидимого хлыста и записками с текстом вроде «а ну-ка, быстро взял стол, гнида!». Спасаться не было возможности ни через подъездную дверь, ни через окна, эти стратегические точки злоумышленник держал крепко. Не привыкшие к интенсивным физическим нагрузкам заложники, обливающиеся потом в три ручья, столкнулись с неразрешимой задачей при попытке затащить стол на чердак по отвесной лестнице.

Перепахкавшись, измазавшись, измучившись, разделив стол пополам (с дозволения надсмотрщика, конечно) команда преодолела препятствие под звуки классического произведения «На прекрасном голубом Дунае». К тому моменту издевающийся призрак потерял интерес к чердаку, настояв на починке стола подручными средствами и транспортировке его в большой лифт, зайти внутрь которого дозволялось с первого этажа.

Наконец, удовлетворив все прихоти потусторонней силы, валяющиеся с ног от усталости медиумы устроили сеанс связи с духом, попросившим нажать кнопку последнего этажа. Дальнейшие показания расходятся. Съёмочная группа, не вместившаяся в ограниченную площадь кабины, не видела и не слышала ничего необычного. Двери лифта закрылись, из-за превышения допустимой грузоподъёмности он никуда не уехал. Недра закупоренного пространства исторгли звуки возни походившей на игрища бесящихся подростков, потом стали раздаваться стуки и вопли закапываемых заживо. Содержимое подъёмника отчаянно старалось отбить утерянную свободу. Как ни странно, извне никто не спешил им помогать.

По утверждению всё-таки выбравшихся из западни, свет в лифте погас сразу. К вящему ужасу сотрясаемая кабина начала движение вниз, а затем вообще куда-то вбок. Под усиливающееся гудение подземного мира внутри батисферы выпали обильные осадки из представителей семейства кошачьих, царапающихся со страху. Стиснутые заключённые, бестолково дёргая конечностями, неистово колошматили друг друга. Внезапно аттракцион закончился, ничего, кроме перемешанных с обломками вконец испорченного стола вопящих тел, инкубатор ужаса внешнему миру не показал.

Потерпевшая сторона наотрез отказалась приближаться к средоточию такой мощной недружелюбной пси-активности. Руководство канала, предвкушавшее высокие рейтинги, спешно рекрутировало и бросило в бой новых солдат. Новая гвардия не без иронии выслу-

шав рассказы старой, отнеслась к ним скептически. Спесивые улыбки покинули лица неверующих сразу по прибытии на место боевых действий.

Стройную колонну устроивших инструктаж у врат в бездну прорезал весьма экстравагантного вида незнакомец высотой под два с половиной метра в неприлично безвкусно подобранном и отвратительно сидящем белом смокинге. За ним вереницей тянулось десятка три книг, приплясывая в воздухе. Оторопевший оператор не догадался включить камеру, и то, как вся процессия торжественно прошла сквозь закрытую дверь под всеобщее гробовое молчание, доказать было нечем. Голову видения прикрывала вычурная шляпа, на руках перчатки. Чудовищно обезображенное страшными ожогами лицо запомнилось свидетелям больше всего.

В близлежащем книжном магазине подтвердили факт покупки, а камеры безопасности даже зафиксировали произведшего неизгладимое впечатление на продавцов контрастом своих изысканных манер с физическим уродством мужчину, полтора часа придиричиво составлявшем список покупок.

Самое отвратительное: слух о загадочном великане посредством Лиги Выдающихся Пожилых Леди, пристально наблюдавшей за внутренним двором, достиг ушей Таисии Павловны: «Ир-роды! Ну, я им покаж-жу! Ну, я им устр-рою! Наняли р-разбойника!» – кричала она в трубку. Подействовали ли её угрозы, но на короткий промежуток времени паранормальные явления прекратились. Вплоть до вчерашнего, памятного моей прогулкой с Безымянной вечера всё было спокойно.

Заработавшаяся допоздна группа охотников за привидениями готовилась к отъезду, сетуя на затишье. Под покровом наступающей ночи Таисия Павловна выползла из бункера на поиски очередного пропавшего. Не отличающийся высокими интеллектуальными способностями зверь скорее всего опять прищемил себе хвост мусоропроводом.

По привычке, проходя мимо логова супостатов, сопротивляющаяся сторона демонстративно плюнула на вход и постучала по нему ногой. Гул последнего удара только начал своё путешествие по безлюдным лестничным пролётам, когда дверь слетела с петель и за мгновение, не уловимое человеческим глазом, всосалась внутрь. Поражённая таким незапланированным поворотом, Таисия Павловна вздрогнула. Её обдало сильным жаром, потому что внутри всё полыхало, как в аду. Параллельный мир бесконечной пустоты и вечного огня выплюнул из себя фигуру, к внешнему виду которой я вернусь несколько позже. Она выдвинулась навстречу парализованной председательницы экстренного совета лиги таким противнем из духовки.

Вежливо откланявшись исчадие пригласило пожилую даму на танец. Таисия Павловна, никогда не танцевавшая мазурку, великолепно исполняла все па. Недолгий танец графа Дракулы с марионеткой из папье маше сопровождался свечением всего подъезда изнутри, всеохватывающим беснованием окон и дверей. Подойдя к раскрытым дверям маленького лифта кавалер твёрдо, однако безболезненно обхватил цыплячью шею своей пары левой пятернёй, приподняв её над землёй. «Ты, бабка, теперь в чистилище, и размером оно с твою жалкую душонку», – завыл сиреной гражданской обороны в старушечьей голове низкий голос пришельца. Запечатав в вертикальном гробу подопечную, вызывающий во мне самые неоднозначные чувства персонаж с расстановкой, не торопясь, горделиво спустился по лестнице. Обвинив съёмочную группу в краже кухонного стола из его квартиры, он, насвистывая «В траве сидел кузнечик», стал держать путь на улицу, где в тот самый момент летало стекло.

Забегая чуть вперёд, скажу, что выковырять Таисию Павловну из западни не могли ничем целых три дня. Чувствовавшая приближение своей сестры-старухи, но только с косой, заключённая потребовала пригласить попа. Сотворивший крестное знамение священнослужитель не подозревал в себе наличие способностей к борьбе с демонами. Стоило ему завершить нехитрый обряд, как крышка саркофага распахнулась сама собой. Под всеобщие

аплодисменты бьющуюся, привязанную к носилкам, истошно орущую «Ир-роды» Таисию Павловну увозили прямиком в дурдом. Подъезд наконец избавился от всех без исключения, причинявших беспокойство элементов.

Возвратимся из будущего в не столь отдалённое прошлое. «Титаны Парапсихологии», потеряв из виду вторгшееся в наш мир проявление другой реальности, нырнувшее в арку, опомнились. С трудом наскребя в себе нужное для преследования количество мужества, они включились в гонку, не забывав теперь использовать камеру.

Выбежавшая с выпученными глазами из внутреннего двора на улицу дикая стая, громко и отрывисто рывкала, по ходу слежки вырабатывая стратегию. Прохожие благоразумно предпочитали шарахаться в стороны от греха подальше. Походные съёмки шпионского триллера без надлежащей предварительной подготовки давались сборищу тяжело. Прочёсывая местность пытливыми сканирующими взглядами ошалелых зрачков, собрание не засекало ушедшего в отрыв. Вместо него на экранах радаров нарисовался увеличивающий дистанцию силуэт гиганта в белом. Коллектив молниеносно выдвинул справедливую теорию о двух формах одной и той же сущности, порешив скорректировать приоритеты забега.

Великое старание подогреваемых азартом догоняющих приблизиться к ускользающему не приносило никаких плодов. Пропасть между сторонами не сокращалась. Огромный рост впереди идущего несказанно облегчал преследователям навигацию, но у них не получалось так же органично бороздить встречный поток неиссякаемых живых препятствий, многие из которых по столкновении принимались возмущаться.

Вдруг на некотором расстоянии впереди появились признаки какой-то неразберихи и беспорядочной возни. Биологическая масса уплотнялась, отдельные её части разбрызгивались по сторонам всё возрастающим давлением. По счастливому стечению обстоятельств в толчее никого не затоптали. Головной убор, вздымающийся на добрых полметра из жерла свалки, продолжал удаляться. Носитель головного убора степенно скользнул вбок, прокладывая себе дорогу к спешно покидаемой людьми улице.

Невозможно живописать всю палитру мук, снедавших в те решающие мгновения марафона добытчиков сенсации, перед ними меркнули даже муки, испытываемые Кобельком. Близость чего-то и невозможность этого достичь! Кто из смертных не вкушал горечи схожей ситуации? Наперекор тяготам экспедиция общим собранием постановила любой ценой продвигаться вглубь аномальной зоны. Двадцать минут стоического противостояния вознаградили численно сократившийся отряд триумфальным продвижением вперёд. Несколько унесло сильным встречным течением, и мольбы их о помощи были ужасны, а судьбы неизвестны. В который раз вдалеке поднятым белоснежным парусом посреди океана злоключений замаячил могучий торс загадочного господина.

Вчерашний «террористический акт», устроенный Безымянной при моём молчаливом пособничестве, ненадолго сделался краеугольной темой обращения граждан в соответствующие службы спасения. Во всяком случае так было до тех пор, пока мы не добрались до моста, а потом и до гнездилища разврата. Оперативность реакции и скорость прибытия на место трагедии снижались дорожными заторами. Не без затруднений приходилось преодолевать их. Благодаря погоне за обгорелым незнакомцем к месту трагедии, на улицу с разбитыми Безымянной витринами, первыми прибыли какие-никакие, но телевизионщики.

Место происшествия заполнили любопытствующие зеваки, почерпнувшие знание о катаклизме из самых недостоверных источников посредством сарафанного радио. Непоседы выдёргивали себя из своей естественной среды обитания: залов кафе, магазинчиков,

машин и офисов. Мюнхгаузены, обобществлённо тянущие себя за волосы из болота, воображали подвиги, сравнимые с деяниями Геракла. Увидеть хоть раз в жизни своими глазами разбитую по воле злодея витрину! Да таким не стыдно похвастаться перед друзьями и коллегами. «Сдачи не надо», – типичная фраза одного из непосед, твёрдо решившего прервать двухчасовое распитие кофе в кафе и лично отправиться на разведку. Впервые грудь колесом, твёрдая рука щедрым жестом выбрасывает официанту денег чуть больше запланированного, жёсткие слова сами слетают с губ, точно удары гусарской сабли, движения выбритого бледного подбородка настолько размашисты, что воздух наполняется ароматом крема после бритья. И вот такие усилия на грани возможного, такие финансовые растраты оказались тщетными, волнительное свидание с разбитой витриной не состоялось.

Некоторых постигло разочарование, кто-то негодовал, другие окончательно сбились с толку, а тем не менее улица была в полном порядке. По её центру к противоположному концу маршировал как ни в чём не бывало хорошо знакомый господин ростом далеко выше среднего. Глумливо повернувшись к преследовавшей его съёмочной бригаде, фантом приподнял шляпу, напоследок откланялся, растворился в воздухе да был таков.

Титаны постарались реабилитироваться: состряпать по горячим следам душещипательную социальную халтуру и презентовать её зрителям в выпуске утренних новостей между нагнетающими на плебеев раболепный трепет сюжетами «признаки того, что ваша морская свинка готовится совершить самоубийство» и «учёные доказали – с дуба всё-таки можно рухнуть».

К сожалению, вскоре их постигло разочарование. Никто так и не смог сыскать хотя бы одного документального подтверждения приключившегося. Не имея возможности подкрепить показания доказательствами, расследование инцидента забуксовало в тот же вечер. На следующий день все, тем или иным образом непосредственно связанные с необъяснимыми событиями, вовсе стали про них забывать. Схожая участь ждала всех посетителей других мест, где сперва побывали я и Безымянная, а потом идущий по горячим следам исполлин, особое внимание уделивший одному из членов побитой компании.

Покинутая сцена произошедшего нападения перечеркнула знания прибывшего патруля о возможностях современной организованной преступности. Оставалась слабая надежда на то, что подающие слабые, но стабильные признаки жизни, свисающие, размётанные тела не соблаговолят писать заявление. Она тут же улетучилась. Её вдребезги разбил выскочивший навстречу, давящийся эмоциями, нервно трясущийся гражданин, принявшийся взахлёб повествовать о пережитом опыте полёта на фонарный столб.

В состоянии крайнего возбуждения потерпевший запомнил, что в нашем мире неправдоподобнее всего зачастую звучит именно чистая правда. Тоскливо переглянувшись между собой, блюстители спокойствия обречённо вздохнули.

Во внутренний двор ввалилась со скоростью не спеша ползущего до морга человека бригада медицинской помощи, не с первого раза преодолев расстелившийся на подступах для противодействия лихачеству на дорогах безобидной наружности холмик. Доктор, очень хороший и весёлый человек, не женатый вопреки общительному характеру, выскочил из машины. Не прекращая смеяться ни на секунду, он первым делом обратился к одному из представителей закона: «Ха-ха! Если вы не прекратите пить, то скоро умрёте». Наставительно побарабанив указательным пальцем по груди сбитого с толку полицейского, доктор отправился осматривать пациентов дальше, щедро источая громоподобные, раскатистые, неуместно жизнерадостные реплики: «Ха-ха-ха! Перелом, замечательно! Ха-ха! Жив! Жив! Ну, натурально жив! Ха-ха! Так, сильный ушиб! Селезёнка!? К сожалению, цела!» Опреде-

лив силу жизненных проявлений у каждого без погрешности, доктор распорядился вызвать ещё несколько бригад.

Ликвидация последствий, наряду с распутыванием случая, выходящего за привычные рамки, шли за счёт регулярно прибывающих новых караванов. Волнующейся толпе продемонстрировали технологию упаковки подающих признаки жизни человеческих туш для дальнейшей транспортировки в больницу. Поделиться со следствием услышанным, а тем более увиденным соизволили немногие.

Сверлимые суровыми очами сгустившегося тучного организма необозримой ширины и необъятной выпуклости, угнетавшего тяжёлым своим дыханием, известные, пожалуй, единственные очевидцы побоища давали первые показания, предварительно решив выбросить из карманов на случай обыска тяготившие страшным балластом пачки сигарет. Несовершеннолетним не хватило житейской прозорливости, увлекаемые зовом «детектора приключений», разместившегося в районе пятой точки, пока ещё не открытого наукой отдела головного мозга, они вернулись к насиженному гнезду, где, из-за неумения прятать испытываемые эмоции, по неосторожности попали в поле зрения правоохранительных органов.

Допрос шёл успешно, подозреваемые уже почти сознались в организации незаконного бандформирования, в двух, одновременно произошедших за несколько километров друг от друга кражах сотовых телефонов, употреблении наркотических веществ, распитии спиртных напитков и мошенничестве в особо крупных размерах. Правда, именно нынешнее преступление как-то совсем не вязалось с возможностями спрятанных в мешковатую попугаячью одежду слабеньких тел, приводящих в особый ужас на школьных диспансеризациях немногих, практикующих до сих пор врачей, помнящих голод войны.

За спиной у багровевшего от стараний дознавателя, на стене дома без видимых причин заплясали языки пламени. Площадь возгорания была сопоставима с площадью, занимаемой в пространстве обычной входной дверью. В одном из своих многочисленных обликов во внутреннем дворе показался неугомонный уничтожитель следов, шедший по нашим с Безымянной пятам. Грозного вида фигура, раздувающаяся и увеличивающаяся в размерах, вселила великую тревогу в неполный состав великовозрастных из девятого «б» или десятого «в», но точно не одиннадцатого «а». Нервно дёргая плавниками, косяк кильки вконец разволновался, когда огромный, невиданный хищник, заинтересовавшийся ими, стал приближаться. Не заметить его манёвры было невозможно, однако более крупная рыба в акватории не подавала и малейших признаков беспокойства, и это парализовало стремление задержанных подростков к бегству.

Пылкая речь, примечательная тем, что парламентарские выражения в ней почти не употреблялись, цели не достигала. Оратор тужился уразуметь первоисточник возмутительного поведения. Готовясь с жаром выдать следующую импровизацию, он было открыл рот. Подкрававшийся вплотную монстр воспрепятствовал началу выступления, водрузив на фуражку левую руку. Забралом надвинул свои мерзкого вида пальцы на лицо, когтями фамиллярно барабанил по горлу пленного.

«До-мой», – протяжно завибрировал воздух. Внутренние органы услышавших голос чудовища начали крайне неприятно колебаться от зашкаливающей враждебности. Второй раз озвучивать распоряжение не пришлось, все, не стеснённые чуждыми прикосновениями, инстинктивно почувствовали, исполнения какого алгоритма от них добиваются. Вслед убегающим завистливо смотрел сквозь решётку своеобразного намордника приросший к земле доблестный полицейский. Вынуждаемый ходом действия, он впервые в жизни воспользовался воображением, детально представив, с какой невероятной лёгкостью на самом деле отделяется от туловища чья бы то ни была голова.

Заложник, попавший из привычного мира в потусторонний, мог об этом только догадываться. Люди вокруг, подёрнутые странной пеленой, слегка потускнели, казалось, меха-

нически продолжая выполнение присущих операций. Надежды на помощь окружающих быстро таяли. Звуки производимой работы, произносимые слова едва достигали ушей захваченного полицейского, словно из глубины разделённых эонами эпох. О многом успел он подумать за короткие мгновения, казавшиеся вечностью, пока бесцеремонно не был выброшен невиданным существом обратно в свой мир. Оно отпихнуло жертву назад, та пробежала задом наперёд метров десять и осела на землю у обочины, с разинутым ртом смотря вслед недавнему своему тюремщику. Не спеша шествующий надменной походкой сквозь самую гущу событий, он принялся постепенно сдвигаться. С каждым шагом пропорции его очертаний уменьшались. Достигнув среднего человеческого роста, неизвестный отстранил правую руку и сделал ею властный, призывный жест. Одно из вещественных доказательств повиновалось зову заложившего руки за спину нового господина, вокруг которого оно принялось неторопливо вращаться. Уходя прочь, оба, так никем и не замеченные предмета сужались до тех пор, пока по понятным причинам наблюдение за ними сделалось невозможным.

Здоровье единственной особи недавно открытого нового вида змеи, обитающей на фонарных столбах мегаполисов, серьёзной тревоги у ветеринаров не вызывало. Расставить точки и развеять все опасения должен был рентген грудной клетки. В специально оборудованном для экзотических фотосессий кабинете шли последние приготовления. «Подождите одну минуту», – в последний момент сказал оператор просвечивающей машины, выходя из кабинета.

Ждать действительно пришлось недолго. Массивная входная дверь отлетела с лёгкостью пёрышка. От громкого звука её соприкосновения со стеной пациент вздрогнул и настоялся. Из непроглядного огня, судя по всему, охватившего за пределами лаборатории всё пространство, в нетронутый оазис шаткого спокойствия ворвался гроза малолетних правонарушителей и расхититель улик.

– Ку-ку, – сладко молвил, придвинувшись вплотную, монолит, покинувший засаду по сигналу, будто вырвавшаяся из часов кукушка.

Обследуемый медленно накренил голову вбок и отвернулся в сторону, давая говорившему прочувствовать всю глубину обуявшей его естество грусти.

– Что-нибудь беспокоит? – прогремело наваждение.

Собеседник начал немного покачиваться взад и вперёд. Он боялся, что времена относительно комфортного жития среди просторов каменных джунглей более не возвратятся и ностальгировал по ним.

Гость терпеливо выжидал. Этим своим действием, а вернее будет утверждать – бездействием, уродливая с виду форма жизни совершенно вывела из душевного равновесия незадачливого землянина. Последний вдруг вспетушился. Брызгая слюной, скалясь и вопя на все лады, тот совершил отчаянную, однако бессмысленную попытку улизнуть. Запутать с этой целью пришедшего дьявола хитрым манёвром не получилось. Приспособленные к штурму плотно облепленных барных стоек конечности показали всю свою непригодность в процессе экстремального преодоления рентгеновских столов. Пациент, запутавшись в ногах, позорно рухнул с препятствия. Испуг на несколько мгновений заглушил истошные вопли. Жёсткое приземление лишило паникёра двух передних зубов. Увидев собственную кровь, он ополоумел и заметался.

Не сыскав никакой возможности к спасению, раненная собственной неуклюжестью змейка забилась в угол. Измазав его жидкостью алого цвета, зверь, не желавший идти на убой, жалобно хрюкал оттуда, искоса поглядывая на палача.

Спектакль одного актёра закончился, понявший это пришелец чинно, неторопливо поднял с пола два чужих зуба, подошёл к владельцу. Пальцами левой руки вдавив ему щёки между челюстями, некрасивой наружности незнакомец поместил на место два утраченных по глупости белых осколка.

– Я пришёл отдать тебе телефон, – гипнотически помахало чудо-юдо перед глазами узника предметом разговора. Заткнув им рот владельца, оно зашагало к выходу, сетуя на самого себя, что складно выдуманная, идеально отрепетированная речь, начинающаяся словами «я пришёл затащить тебя в ад», не пригодилась и в этот раз.

Как не крути, а следующий после разрушительной прогулки день прошёл спокойно. Мы с Безымянной сидели дома, отслеживая по выпускам новостей динамику событий вокруг световой воронки. И это было затишье перед страшной бурей. Располагая сведениями о том, что мне доведётся пережить, уверен, от нервного напряжения я скакал бы по квартире, ежесекундно поглядывая на время. Жизнь моя стала бы невыносимой. Блаженное неведение позволило мне не истощать глупыми переживаниями свои физические силы.

Применительно к Безымянной, впрочем, рассуждения мои не действовали. Подруга, делившая со мной кров, отчего-то скисла. И чем сильнее за окном сгущались сумерки, тем глубже она погружалась в терзавшие её переживания. Очевидно, план Безымянной с треском провалился, а моё незнание ситуации не позволяло предлагать способы решения мучившей её дилеммы.

Я потом часто размышлял, до тех пор, пока вновь не понимал бесполезность этого и не успокаивался на недолгий промежуток, хватило бы у меня духу высунуть нос наружу, знай я, чем всё обернётся? Но я не знал, мысли мои были устремлены в другом направлении. Я старался придумать способ, которым возможно разделить ношу Безымянной. Пустив стрелу наугад, сам того не подозревая, я попал точно в яблочко. Точнее просто было уже некуда.

Картина бесхитростной бытовой идиллии миллионов людей. Последние тёплые деньки увядающего лета. Вечер пятницы. Распахнутое настежь окно с высунувшимся из него силуэтом. Приятный ночной ветерок, играющий с ветками засыпающих деревьев, с каждым днём слабее и слабее цепляющихся за принадлежащие им листья. Высоко в небе проносятся самолёты, сигнальными огнями зазывая бросить опостылевший образ жизни и отправиться вслед за ними в дальние края. Гораздо ниже изредка рассекают воздух ночные охотники – совы да летучие мыши. Их почти не видно; пронесётся в темноте чёрная клякса, не успеваешь сфокусировать на ней взгляд, а её уже и след простыл. Мошкара клубится возле любого источника привлекающего света. С каждой лавки на неосвещённых дворах до уха долетают возгласы вурдалаков, зомби, оборотней, кикимор, по случаю небывалого тепла решивших устроить шабаш и изгадить своей жизнедеятельностью все доступные детские площадки. Уполномоченные курьеры нечисти семенят туда-обратно за добавками.

– Идём гулять, Безымянная, нынче ночь необычайно тепла, в наших широтах таких бывает всего две-три в году, а иногда и вовсе ни одной.

– Да, идём, – она вскочила, ухватившись за протянутую руку.

Ни один из нас не принадлежал к излишне разговорчивому типу созданий. Молчаливое наше шествие притягивало к себе взгляды посторонних. Двое угрюмых, слоняющихся без конечной цели, да и что нам было обсуждать? Энергичные кивки головой в разные стороны – вот, пожалуй, и вся реакция с моей стороны.

– Можешь кого-нибудь сожрать или растерзать, – наконец предложил я.

– Ведь я могу сожрать в том числе и тебя, – сквозь смех ответила Безымянная, видимо, оценив мои старания немного разрядить обстановку.

– Тем меньше причин оставлять тебя одну, убежать от тебя всё равно не получится.

– Ты совершенно не любишь людей? – лучезарно улыбаясь, спросила подруга.

– Нет, совершенно не люблю, – спокойно, со всей серьёзностью ответил я.

Безымянная ненадолго задумалась и уже собиралась произнести очередную реплику, но неожиданно заметалась из стороны в сторону, словно берущая след ищейка.

Мы были далеко не единственными прохожими. Тут же мир слегка поблек, будто мы укрылись от посторонних глаз за прозрачной пеленой. Звуки доносились до меня откуда-то издалека, вопреки тому, что источники их преспокойно гуляли вокруг нас, более того – сквозь нас. Безымянная к моему несказанному удивлению за мгновение выросла метров до трёх с половиной и, возвышаясь над пешеходами, высматривала кого-то по сторонам.

Она вела себя как подобает всякому дикому зверю в момент вызванного неизвестной причиной беспокойства. Хищница рыскала по сторонам глазами, порывалась бежать вперёд, но, сделав несколько шагов, резко останавливалась, разворачивалась в другую сторону и бросалась туда, но так же почти мгновенно передумывала. Временами Безымянная слегка вытягивала шею, пытаясь к чему-то прислушаться, а иногда выпячивала вперёд нос, начиная принюхиваться. Черты её лица изменились. Уверен: ни Кобелёк, ни Скот Томас, ни Альбатрос ничего не заметили бы, но я проводил с загадочной гостьей из иных миров каждый день. Быть может, резкая смена поведения способствовала игре воображения, у меня возникло ощущение, что пальцы её рук сделались тоньше и длиннее обычного.

Безымянная с минуту разыгрывала из себя рыбацкую лодку в эпицентре бушующего шторма, дёргаясь из стороны в сторону. Потом я не без ужаса наблюдал как неведомая субстанция иссиня-чёрного цвета обволакивает её от ступней до шеи. Процесс в целом не отнял много времени, и за несколько секунд жижка покрыла собой всё, кроме головы и ещё быстрее затвердела, обернувшись чем-то средним между скафандром и доспехами. Во время исполнения ритуала Безымянная стояла ко мне спиной, но меня ждал ещё один сюрприз, так как в руках у неё очутилась изумительного футуристического вида винтовка, идентичного костюму цвета.

В моменты, подобные этому, мне, наверное, на уровне инстинкта невозможно удержаться и не озвучить какую-нибудь возникшую у меня в мозгу побочную ассоциацию. Пристрастно изучая внешний вид Безымянной с пят до головы, я в итоге столкнулся с ней взглядом. Её глаза пылали искрящимся фиолетовым пламенем, такого эффектного взгляда я никогда не видел и никогда не увидел бы, живи я своей скучной земной жизнью.

– Да, давай разнесём здесь всё к... – не найдя слов, как можно точнее отображающих суть моего настроения, я изобразил дирижёра в экстазе, импульсивно помахав перед собой руками.

– Мне понадобится твоя помощь, – ледяным тоном, ни разу не моргнув, проговорила Безымянная.

– Ну, началось, – насколько возможно хладнокровно прокомментировал я, – что нужно делать?

Кто бы знал: ведь этой нехитрой речевой конструкцией я навсегда изменил свою судьбу. Переменившаяся жизнь поглотила, перемолола прежнего меня, вынудив освоить фокус сказочной птицы Феникс с возрождением из пепла сызнова. До той прогулки я думал, что знакомство с Безымянной – это ягодки, но то были даже не цветочки. Каждый новый день таил в себе такое число впечатлений, опасностей и приключений, каких не набралось бы за всю мою жизнь.

Безымянная надела шлем, хотя скорее шлем сам наделся на неё, просочившись на поверхность кожи из загадочных желез, подобно поту, в мгновение равномерно распре-

делился по поверхности и затвердел. Покуда я замороженно наблюдал финальный результат переодевания, совершившегося на моих глазах впервые, напарница, правильнее теперь называть её именно так, подошла ко мне, уменьшившись вместе с оружием и бронёй до своих человеческих пропорций. Дотронувшись ненадолго до моего левого предплечья, она выгравировала на нём затейливый светящийся рисунок. На эту основу Безымянная нацепила продолговатый чёрный браслет, который тут же начал зыбко пульсировать. Загадочный предмет жил своей жизнью, вырабатывая внутри себя подобие кровеносной системы, переливавшейся изнутри золотым светом.

По завершении процедуры Безымянная попросту исчезла, то есть даже не растворилась в воздухе или стала невидимой на глазах, а именно исчезла, я только успел моргнуть.

– Беги, – приказным тоном впервые зазвучал у меня в голове хорошо знакомый властный голос, сбивая с толку абсурдностью директивы.

В недоумении пришлось оставаться недолго. Никогда после мне не хотелось добавить к предыдущему предложению «... а жаль».

Непосредственной опасности я не почувствовал. Ощущение дискомфорта навалилось на меня всей своей тяжестью. Первые ленивые шаги давались с огромным трудом. Со стороны я выглядел ленивцем, совершающим самоубийство посредством истощения, но не с помощью голодовки, а с помощью бега. Довольно ироничный способ свести счёты с жизнью, коль львиную долю времени тебе приходится висеть на дереве, поглощая не очень питательные листья.

– В другую сторону, – слова Безымянной прыгали внутри моего черепа, отскакивая от его стенок. Многочисленные люди вокруг перестали интересоваться мной вовсе. Я с лёгкостью проскакивал сквозь эти иррациональные сгустки упорядоченной космической пыли, их целостность и структура при этом не нарушались.

Я сменил направление и проделал трусой пару сотен метров. Гнетущая тишина в голове отрицательно сказывалась на моём моральном настрое. Дабы скрасить томительные секунды напряжённого затишья перед ударом стихии, я замурлыкал себе под нос «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Распеться, как следует, мне не удалось. Проигнорировав недобрые предчувствия, с улицы я юркнул между домами в переулок, преодолеть пространство и простор которого мне было не суждено, и замер. Потом вздрогнул от неожиданности, а затем, очень стараясь не уступать в скорости галопирующим лошадям, понёсся в противоположную сторону.

Замер я от увиденного. Трудно было не замереть от вида вздымающихся на другом конце переулочка фигур десяти; а то и пятнадцатиметровой высоты. Небольшая стайка из четырёх особей антропоморфного вида, без одежды, без волосяного покрова и без определённых половых признаков, очевидно, ожидала увидеть мою персону ещё меньше.

– Гомункулы, – прокомментировала Безымянная.

Детально проинспектировать сборище мне не удалось, я несколько отвлёкся на снующих у них под ногами ни о чём не подозревающих прохожих. Тяжёлые думы тут же прервал жуткий рёв, от которого всё внутри меня скукожилось. Мне показалось, что от услышанного я постарел лет на тридцать и поседел. Холодный пот полился с меня градом. Странные существа куда-то исчезли, а через долю секунды браслет на левой руке принялся пульсировать. С первым же ударом его механического сердца огромная лапа одного из гомункулов замерла надо мной метрах в трёх, как карающий тапок над тараканом.

– Беги, – произнесённое с нажимом оказало на меня должное отвлекающее воздействие. Развивая недоступные человеку скорости, я пустился прочь. Я был напуган до смерти, не понимал что происходит, но, к чести своей, не поддавался панике и не потерял головы.

Целостность психического здоровья прежде всего обеспечивалась за счёт слабого анализа маячивших перед глазами образов. Включившийся защитный механизм перевёл всю

работу тела в автономный режим, накрепко заперев разум в бункере конкретно моего сознания.

– Не останавливайся.

– У нас есть план? – вместо «я и не собирался» подумал я в ответ.

– Да, беги в парк.

Наличие конечной цели маршрута придало мне сил и уверенности. До парка было не так уж и далеко, около одного километра.

– погоди, это оттуда был рёв? – подумал я, но темп всё-таки не сбавил.

– Да, – толком не дав вникнуть в суть её развёрнутого, представленного в форме обширного доклада ответа, Безымянная продолжила, – мне нужно тебе кое-что рассказать.

– Валяй, я внимательно тебя слушаю, – нет, я, безусловно, мог подумать по-другому, начать задавать много вопросов, выяснять, почему её откровение должно снизойти на меня именно сейчас, и в итоге всё равно согласился бы, так зачем было тратить время?

– Ты не понял, мне нужно сделать это быстро, – неизменно хладнокровно осведомили меня.

– Хорошо, Безымянная, давай сделаем это по-быстрому. – подозревая, о чём идёт речь, отшучивался я, выбиваясь при этом из физических сил.

И вот так, как тогда на кухне с выпусками новостей, мне стало всё понятно. Во всяком случае касаясь той передраги, в которую я попал. Мы обменивались мыслями быстро, я не успел пробежать и трёх десятков метров, но даже за это время меня попыталось убить ещё несколько гомункулов.

Они возникали рядом со мной в последний момент из-за того, что человеческий глаз не фиксировал их чудовищной сверхъестественной скорости передвижения. Браслет – мой единственный защитный механизм – работал исправно, каждый раз пульсируя во время предотвращения очередной попытки меня уничтожить. Он реагировал только на то, что могло причинить непосредственную угрозу моей жизни или здоровью, будь это объект живой или неживой природы. Браслет полностью останавливал время для предмета, от которого исходила опасность. Правда, устройство делало это в среднем секунд на пять и неограниченным боезапасом не располагало, это косвенно намекало мне на то, что к парку всё же лучше поторопиться.

Безымянная без затруднений отстреливала попавших в ловушку противников, но откуда она это делала, понять было невозможно. Я представлял её в виде чёрной кляксы, скакавшей по крышам домов. В своей манере Безымянная наказала мне ни в коем случае не дотрагиваться до чего бы то ни было, неожиданно возникшего на моём пути, так как браслет влиял только на время. Он не изменял массу, скорость, вектор направления движущегося объекта или другие его характеристики. На человеческом языке это означало, что, в частности, от соприкосновения с гомункулом в лучшем случае я просто отлетел бы на пару сотен метров, рассеивая по сторонам свои внутренние органы.

Переважив полученные сведения, я выбежал на проезжую часть, так как она давала больший простор для манёвров. В отличие от раздражающе плотного потока пешеходов, наслаждающихся последним теплом уходящего лета, отдельные, проезжающие несколько раз в минуту автомобили не так мешали видеть обстановку. Обстоятельства очень часто заставляли менять направление бега. На меня прыгали сбоку, кидались сзади, выскакивали передо мной, но, получив по два выстрела, разлетались на части по прошествии нескольких секунд. Крови почти не было, будто противники состояли из неорганической твёрдой породы. Я очень старался выписывать затейливые траектории, дабы не быть пришибленным оторванным куском чужого тела.

– Перемещаюсь, – рапортовала боевая подруга.

– Броня крепка и танки наши быстры, – отвечал я ей.

– Тебе обязательно петь? – Боже мой, что я слышу, любопытство в её голосе?

– И тот, кто с песней по жизни шагает... – не унимался я, обливаясь потом и грязью.

То был не самый чистый пробег в моей жизни. Много сил я растратил на бестолковом старте, мои мышцы горели и скрежетали. Несколько раз я путался в ногах и спотыкался. Однажды я упал, и тогда надо мной повисло сразу пять гомункулов. Я торопливо выползал из-под этого скопления, стараясь не думать о том, что через пару секунд оно рассыпется на составные части.

– Быстрее, – подбадривали меня, – беги.

Проделав от силы половину дистанции, я отметил для себя три вещи. Во-первых, меня теперь пытались убить не только непосредственно, а так же более творческими способами – швыряясь разнообразными предметами. В ход шли куски домов, фонарные столбы, машины, деревья, а уж такого количества булыжников и камней я не видел даже в геологическом музее. Во-вторых, хитрый браслет, видимо, оценив всё многообразие и обилие швыряемого в мою сторону, решил экономить запасы расходуемого топлива, энергии, материала (нужное подчеркнуть). Всё способное пришить тщедушное человеческое тельце он по-прежнему останавливал. Остальное, долетавшее до меня я мужественно собирал всеми частями тела. В-третьих, мне было совсем непонятно, откуда противник брал именно такие боеприпасы. Никто, кроме меня, похоже, не видел результатов специфической перепланировки и сомнительного благоустройства нашего района гомункулами.

Дальше в лес – больше дров. То есть до входа в парк оставалось сотни три метров. В жизни ничто не давалось мне с таким трудом, как этот треклятый участок.

Земля под ногами дрогнула и заходила ходуном, браслет с каждым разом пульсировал заметно слабее.

– На мне хвост, – вдобавок ко всему обрадовала Безымянная, – держись.

Мы сделали ещё один шаг в сторону от знакомой человеческой действительности. Воцарилось запустение, я перестал видеть людей. Чья-то воля отключила всю эту неуместную массовку. Переживать по этому поводу было некогда. Вокруг с грохотом рушилось и проваливалось вниз в пустоту абсолютно всё.

Бежать стало совсем тяжело. Сотрясаемая земная твердь не упрощала координацию движений. Лёгкие горели, задеревеневшие ноги с трудом выполняли поступающие от мозга целевые указания, меня лихорадило как заводскую паровую машину конца девятнадцатого века. Я вваливался вперёд едва доползшим домой после попойки блудным сыном. Безымянная, видимо, занятая упомянутым хвостом, хранила гробовое молчание, не выдавая более своего присутствия меткими попаданиями в гомункулов, отчего браслет пульсировал в предынфарктном режиме, готовый умереть в любую секунду.

Когда до парка оставалось совсем немного, перед его входом, полностью блокируя возможность достичь цель сухопутным путём, образовался продолговатый провал. Неестественная пустота зияла из недр во всей своей отвратительности.

– Прыгай, – скомандовала Безымянная.

– Никто не знал, а я... Бэтмен, Бэтмен, – покуда я, к своему несказанному удивлению, преодолевал преграду по воздуху, ничего другого в голову не лезло.

Подо мной открылся просто фантастический вид: каждому, кто хочет понять, о чём идёт речь, надлежит попробовать в безлунную ночь где-нибудь в лесу нацепить себе на голову непроницаемый полиэтиленовый пакет. Заветная финишная прямая быстро приближалась, я наслаждался возможностью хоть немного передохнуть перед финальным рывком. Находясь в воздухе, нельзя было не радоваться, что мир не дребезжит так, словно у тебя вместо ног отбойные молотки.

Агонирующий браслет стукнул особенно сильно, начав трескаться. Прямо передо мной завис один из гомункулов, прыгнувший мне навстречу с другого края. Столкновения

с ним я не мог избежать никак. Когда меня вдруг тряхнуло воздушным потоком, отшвырнуло в сторону и шмякнуло об землю, я понял: наперерез атакующему мимо меня пронеслась Безымянная. Что конкретно происходило последние десятки метров пути, я не видел. Могу только предположить, что ничего хорошего. Меня будто взяли за шкирку и бодро швырнули к финишу.

Приземлившись на территории рекреационной зоны, я тут же вскочил, готовясь продолжить гонку. Каково же было моё удивление от увиденной вокруг безмятежной картины всеобщего ночного пьянства. Вокруг центральной клумбы, на скамейках в форме полукруга, расселись отборные представители генофонда нации.

Хрипя от попыток нормализовать дыхание, я искоса поглядывал на хорошо знакомых мне местных жителей. Всё вокруг казалось нормальным, таким, как обычно. Я несколько раз обернулся и удостоверился, что позади меня не осталось видимых признаков другой реальности. Потрескавшийся браслет безжизненно затух на моей руке, казалось, навсегда.

– Безымянная? – обратился я к своей спасительнице.

– Идём, – она появилась слева от меня, полностью закупоренная в свой скафандр и всё так же с винтовкой в руках. Её натуральный рост на глаз составлял метров семь. Обшивка брони демонстрировала много пятен, видимо, крови. Спереди на правой ноге на уровне бедра, чего я почему-то не заметил ранее, переливались непонятные символы. Из той области, где у человека находится печень, торчала обрубленная рука нападавшего. Сзади, пробив тело Безымянной насквозь, изнутри вырывались растопыренные пальцы гомункула.

Я подумал, а не торчит ли и из меня какая-нибудь неуместная деталь чужого организма, но выявить подобный случай, несмотря на обнаружение бесчисленного количества порезов, ушибов, ссадин и синяков в зачаточном состоянии, не удалось.

Из глубины не освещённого никаким светом парка аккуратно на клумбу с грохотом упало кем-то брошенное тело обезглавленного гомункула. Труп тут же начал дымиться и таять на глазах, словно был сделан из сухого льда. Удивлению моему не было предела. Я посмотрел на Безымянную в поисках разгадки этого вопроса. Увидев её решительный, грозный вид, наряду с тем, что застрявшая в ней рука испаряется ещё быстрее, а некровоточащие раны затягиваются сами собой, я принял решение повременить с расспросами.

– Идём, – сняв шлем, повторила напарница уже обычным способом.

– Да, хотел бы я посмотреть на их реакцию, упади на их головы такая туша и в самом деле, – я поделился волновавшими меня думами с Безымянной, когда мы проходили сквозь гогочущую толпу.

Картина, открывшаяся через несколько минут, была одновременно и завораживающей и отвратительно отталкивающей. Посреди разбросанных в разные стороны, растерзанных гомункулов, коллективно таявших на глазах, спиной к нам вздымалась исполинская, выше Безымянной почти в два раза, уродливая фигура.

– Безликий – Ненависть, – судя по всему представила незнакомца Безымянная, убирая оружие. Я отметил про себя её очень сильное удивление и, быть может, даже смущение.

– Нечистокровный сатир. Восьмое поколение. Армия зависти. Безымянная, – пророкотал Ненависть в ответ, да так, что я вздрогнул. Всё так же, не оборачиваясь, он добавил, полагая, обращаясь уже ко мне. – Человек.

Наконец настала и моя очередь вступить, и я незамедлительно ляпнул первое, что пришло мне в голову:

– Не, ну я, конечно, всегда знал, что у нас в парке водятся королевские упыри, но чтоб такие...

– Наше общество строится на иных принципах, – начала объяснять Безымянная, – знание себя и своего места в нём очень важно. Представляя кого-то, в первую очередь называют его расу, род занятий или армию, к которой тот принадлежит, а затем имя. При пред-

ставлении нечистокровных сатиров, вроде меня, так же важно знать поколение, к которому они относятся. Всё это и много другой полезной информации написано здесь. – Безымянная похлопала себя по правому бедру.

– Безликие – это особый вид дефективных нечистокровных сатиров, представляя их, не принято указывать расу или поколение, подчёркивая их особый статус. Они появляются крайне редко. Каждый из них уникален и обладает огромной силой. Я не знаю их точное количество, но всего их существует не более двух десятков. Ненависть – один из самых известных среди них. Обычно они никак не вмешиваются в дела империи. Мне неизвестны случаи, когда кто-либо из безликих выступал в качестве защитника.

– Защитника? – я хотел спросить про империю.

– Да, если возникает необходимость отправить на задание во внешнюю среду особь женского пола, то у неё всегда есть защитник.

– Чувствую, разговор по душам нам предстоит долгий, – пробормотал я себе под нос, пристально рассматривая повернувшегося к нам лицом защитника.

В средневековье, на заре появления первой ассоциации пластических хирургов в лице инквизиции, невозможно было и мечтать о таких впечатляющих результатах. Перво-наперво бросалось в глаза полное отсутствие кожи. Вместо неё имелась затвердевшая корка цвета хорошо прожаренного шашлыка. Нижняя часть тела полностью скрывалась под подобием хакама, традиционно чёрного цвета, подпоясанного широким кушаком, концы которого свисали спереди. Правый конец был заметно длиннее и шире левого, он доходил до колена, и я бы поставил свою шкуру на то, что, судя по количеству таинственных символов золотого цвета на нём, там написан ветхий завет. Ненависть явно не слыл первым красавцем на деревне, напоминая внешне краба с одной клешней. Хотя клешни у него были две и обе одинаковой длины, но правая рука была заметно тоньше левой, вдобавок на ней отсутствовали ногти, в то время как на левой за счёт них пальцы казались заметно длиннее. В левой руке Ненависть непринуждённо держал, как держат шары для боулинга, голову поверженного противника. От плавящегося жуткого снежка уже почти ничего не осталось. Защитник не мог похвастаться наличием шеи. На спине, смещённый ближе к левому плечевому суставу, у него рос горб. Он не нуждался в услугах парикмахера, зубного врача или лора. У него не было ни рта, ни ушей, ни носа. Возникало ощущение, что ему на лицо налили кислоты, перемешали получившуюся биомассу, да так и оставили затвердевать. Уцелевшим каким-то чудом во время этого процесса был левый, глубоко посаженный, маленький глаз. Глаз цепко следил за всем, попадавшим в поле зрения, зачастую излучая на предмет слезки цунами злобы и ненависти. Яркость свечения терракотового цвета единственного имевшегося органа восприятия сопоставлялась разве что со вспышками сверхновых звёзд.

– Обычно женщин посылают с защитником в качестве поддержки, – прервала тишину Безымянная, – присутствие Ненависти многое объясняет и усложняет одновременно. Меня проинструктировали, что я встречу напарника непосредственно на Земле, но безликие не выдают своего присутствия без крайней необходимости. Нечистокровные, вроде меня, не могут их почувствовать. Я думала это будет тривиальное задание, выходит, я сильно ошибалась.

– Диктатура решила выпустить меня в последний момент. Император Сатир просил дать мне шанс реабилитироваться.

– Выпустили в последний момент? – сглотнув, переспросил я.

– Да, – равнодушно ответила Безымянная, – безликие обычно содержатся в монастыре. Во всяком случае так это место называют они. Я думала только Император Сатир знал, где именно оно находится. Безликих не поощряют лишний раз появляться в обществе, но запретить им это делать никто не в состоянии. В прошлый раз, насколько я знаю, Ненависть привлёк внимание Инквизиции, и император упрятал его обратно в монастырь, я тогда ещё даже

не родилась. Там Ненависть ждал, пока, как говорят на Земле, не истечёт срок исковой давности.

Внимая словам двух пришельцев, я прошёлся до ближайшей лавки и устало опустился на неё. Ни о чём не подозревающая компания из пятерых человек беззаботно расселась рядом со мной и принялась за семечки. Жизнь на планете Земля шла своим чередом, только моё совершенно разбитое тело с каждой минутой болело всё сильнее. А от слов «империя», «безликие», «сатиры», «инквизиция», «диктатура» пухла голова.

– Ладно, я понял, биография у каждого из вас богатая. Сейчас, полагаю, кто-нибудь щёлкнет пальцами и я проснусь в своей постели, забыв обо всём?

– Нет, – после долгой паузы, во время которой оба пришельца оставались недвижными и вполне могли совещаться между собой, отрицательно покачала головой Безымянная.

– Есть, безусловно, ещё один способ, которым можно от меня избавиться, но прибегать к нему совсем не хотелось бы, – произнесли мои пересохшие губы, потом я решил добавить, – не хочу быть закопанным, пускай меня лучше сожгут, а прах развеют по воздуху, чем выше, тем лучше.

– Человек, – раскатом грома вспыхнул Ненависть, чудодейственно сняв мою усталость звуками своей речи, – подданные империи никогда не отнимают у других свободу выбора.

– И мы больше всего не любим, когда пытаются отнять эту свободу у нас, – продолжила Безымянная.

– Ой ли? – гадко воззрился я на собеседницу, памятуя о промывке мозгов Скоту Томасу.

Она уловила ход моих мыслей. Скрестив руки на груди, опустив подбородок и закрыв глаза, нечистокровный сатир покраснела.

– Принуждать тебя к какому-то выбору мы не собираемся, – не меняя положения, повёл речь представитель восьмого поколения, – если твоё желание дожить до завтрашнего расцвета велико, то тебе лучше оставаться рядом с Ненавистью.

Из этой реплики следовало, что защитить меня или себя самостоятельно Безымянная не в состоянии.

– Эксгибиционисты-переростки опять поползут изо всех щелей и будут тянуть ко мне свои грязные лапы?

– Куклы, – сказал Ненависть.

Мне он начинал нравиться. Стоило только понаблюдать, как он говорит, и добрая половина эффекта, производимого бесподобным тембром, развеивалась мгновенно. Звук шёл из области несуществующего рта, а посему я каждый раз ждал, что Ненависть нарочито задёргает головой, как герой одного из низкобюджетных детских сериалов про супергероев в шлемах или масках, различающихся только по цвету костюма. Нельзя описать ту степень раздражения, которую испытывал я будучи маленьким ребёнком, ожидая, ну, когда же наконец хоть кто-нибудь отрубит кому-нибудь что-нибудь и хлынет фонтанами кровь.

– Я тут подумал, товарищи извращенцы теоретически могут прийти с визитом ко всей нашей компании земных друзей? Кобелёк вряд ли обрадуется, так как незваные гости не похожи на прекрасных валькирий в бикини с рогатыми шапками на голове. Облик гомункулов пагубно скажется на амплитуде взмахов его хвоста, а этого я допустить не могу. Альбатрос вряд ли что-то поймёт, так как способ представить этих уродцев в виде двоичного кода ещё не изобретён. Ещё он просто не поверит в их существование, даже если они будут наматывать его кишки себе на пальцы, как спагетти. Скот Томас, думаю, наоборот несказанно обрадуется. Осуществятся самые смелые его фантазии, и толпа огромных мужеподобных существ будет пытаться дотронуться до него. Да он от счастья футболку на себе разорвёт и с визгом сам к ним бросится.

Мне вдруг стало чуть-чуть жалко гомункулов. Обнажённый по пояс Скот Томас – это совсем не то, что вы хотели бы увидеть в своей жизни.

– Да, вероятность их смерти к утру достаточно велика, – выдержав паузу и многозначительно переглянувшись с Ненавистью, промолвила Безымянная.

– Тогда предлагаю собраться у меня. Родные стены придают сил, а ещё я страшно хочу пить. Уверен, у землян найдётся множество вопросов к вам, – я обвёл собеседников взглядом и добавил, – если протекторат всей компании возможен.

– Возможен, – после очередной паузы, за время которой, уверен, произошло совещание, кивнула нечистокровный сатир.

– А что мешает гомункулам напасть, например, на Скота Томаса прямо сейчас?

– Ненависть, – отрезала Безымянная.

Тут-то я и призадумался. Мне очень хотелось атаковать двух представителей загадочной цивилизации расспросами буквально обо всём, но информационная передозировка страшила меня куда сильнее. Логичнее сперва собрать хорошо знакомую кодлу землян в одном месте, коль теперь целостность наших физических оболочек напрямую зависит от благосклонности победителя межгалактического конкурса красоты среди монстров. Вот только как это сделать наверняка?

– А их нельзя просто притащить ко мне домой за шкуру?

– Сложно объяснить, – Безымянная очевидно испытывала затруднения всякого родителя, у которого трёхлетний ребёнок поинтересовался вопросом производства себе подобных, – мы никого никогда не заставляем делать что-то против их воли. Мы не берём пленных, и у нас нет тюрем, мы не отнимаем ни свою, ни чужую свободу.

– А что же вы с ними делаете? – ошарашенный таким поворотом событий спросил я, имея в виду всю совокупность возможных кандидатов на заслуженную и незаслуженную изоляцию – от политических заключённых до маргинальных отщепенцев.

– Убиваем, – как ни в чём не бывало пожала плечами Безымянная.

– Гром и молния! Какая благодатная почва, смакуя эту тему, можно просидеть тут недели две, – неожиданно для самого себя эмоционально всплеснул я руками.

В чужой монастырь да со своим уставом соваться, видимо, не принято и у пришельцев, а чего тогда с моим скудным умишком учить их привычной землянину общественно-политической системе, которую, думаю, они и так знают лучше меня самого. Сейчас нужно было подумать о том, как гарантированно выманить троих, так не похожих друг на друга особей мужского пола для их же безопасности.

Скот Томас не пожелал прийти в гости, уговаривать его было делом заведомо проигрышным, поскольку именно в субботу и именно в шесть часов утра у него возникла острая необходимость лишиться себя возможности отоспаться, дабы отправиться чинить машину. Это как объяснять пациенту психиатрической лечебницы, что он вовсе не Чингиз-Хан, а хотя бы Наполеон Бонапарт и на этом основании пытаться убедить его пользоваться ложкой и вилок по назначению.

– Нет, – задумчиво нахмурившись, ответил Альбатрос Мутант на мою пламенную речь.

Тяжело вздохнув, я убрал трубку от уха.

– Нужна помощь? – деликатно спросила Безымянная, топчась на месте.

– Убить их? Нет, спасибо, когда-нибудь я сам это сделаю и этого удовольствия лишать себя не намерен.

– Нет, ты можешь, скажем, попросить доставить их в определённое место, – водя пальцем по стволу ближайшего дерева, невинно уточнила кладовая гнусностей.

– А как же, – я вскочил и, передразнивая Безымянную, произнёс, – мы никого никогда не заставляем делать что-то против их воли?

– Сложно объяснить.

– Мы никого никогда не заставляем делать что-то против их воли по собственной инициативе, – я опять вздрогнул, когда Ненависть сделал это маленькое уточнение. Может, от этих ребят и пошли все легенды о сделках с дьяволом?

– Не все, – покачала головой сатир, поняв ход моих мыслей.

– Подслушивать, между прочим, невежливо, – не мог же я, в самом деле, сказать подчитывать? В смысле считывать мысли. У нас в языке есть слово для обозначения незаконного проникновения в чужую голову? На ум пришло только «трепанация», слово, отображающее физический аспект доступа к вместилищу мыслей. Полагаю, правильнее всего назвать этот феномен мозговым вуайеризмом.

К этому моменту руки чесались разослать двоих из ларца не одинаковых с лица к друзьям-тугодумам. Я порядком обозлился на последних за отказ посетить меня в ближайшее время для решения жизненно важных вопросов. Аргументация с моей стороны, безусловно, хромала. Объяснить суть проблемы, избегая употребления словосочетаний «ты скоро умрёшь» и «представители внеземной цивилизации», у меня не получилось. Самые убедительные, с моей точки зрения, доводы прозвучали бы плохо скроенной околесицей с передовиц бульварной газетёнки. Всего несколько секунд отделяли троицу от незавидной участи попасть в лапы к Ненависти. Сгоряча я готовился натравить его сразу на всех троих.

Возня на лавке отвлекла меня от вынесения приговора. До того момента я не удостоил чести сидящих подле людей быть идентифицированными не в качестве примитивных амёб. Среди одноклеточных плавала с банкой неведомой жидкости в руках знакомая инфузория туфелька. Теперь проблем с Кобельком возникнуть не должно. Я точно знал, как его заманить.

Один из самых волнительных моментов в жизни мужчины. Рука скользит по спине от шеи вниз по изгибам тела партнёрши. Вы вдоволь насладились мягкой бархатной кожей. Зная анатомические особенности человеческого тела, ваше сердце замирает по мере продвижения ладони, победоносно спускающейся со склона, будто профессионал-сноубордист с детской горки в солнечный день. После каждого спуска непременно обязан быть подъём. Вы знаете это. Вы ждёте его. Вы в предвкушении. Ожившее сердце готово выпрыгнуть из груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.